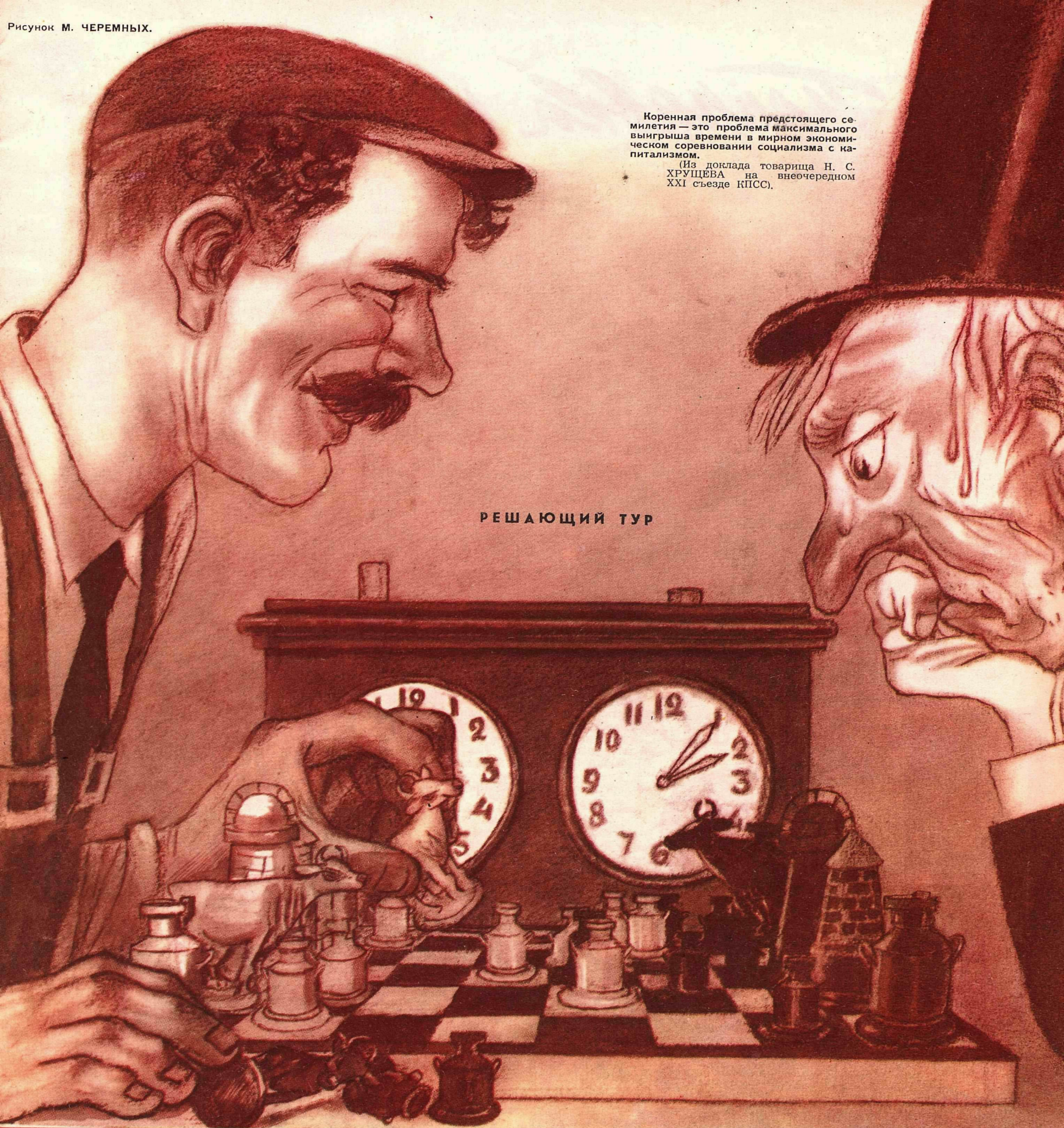

Коренная проблема предстоящего семилетия — это проблема максимального выигрыша времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом.
(Из доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА на внеочередном XXI съезде КПСС).

РЕШАЮЩИЙ ТУР

КРОКОДИЛ

Торговка к КЛАССИКУ

В УГЛУ комнаты была навалена на полу куча того, что поглубже и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога... 52 мостовых крана, 90 ленточных транспортеров и элеваторов, 49 дробилок и мельниц, 32 паровых котла, 2 тысячи электрических двигателей, 87 силовых трансформаторов общей мощностью 134 тысячи киловатт, 670 насосов, 49 компрессоров, и т. д., и т. п.

Даже самый равнодушный читатель на этом месте вскочит со стула и потребует призвать к ответу того, кто осмелился столь бесцеремонно обращаться с текстом бессмертного Гоголя.

Не надо волноваться, дорогой читатель. Успокойтесь! Автор «Мертвых душ» не пострадал. Мы лишь приблизили его к современности, включив в описание комнаты Плюшкина некоторые предметы, валяющиеся на территории предприятий, подчиненных Управлению цветной металлургии Карагандинского совнархоза.

...Город угольщиков Экибастуз. Трест «Иртышуглестрой», углерез номер два. Неподалеку в сугробах утонул мостовой кран стоимостью 670 тысяч рублей. Пока кран заказывали, проталкивали и перевозили в Экибастуз, кому-то вздумалось перепроектировать строительство разреза номер два, и кран оказался ненужным.

Рядом, на подступах к углерезу номер один, под снежной толщей укрыты от глаз людских электровозы стоимостью полтора миллиона рублей. Их длительное пребывание в таком виде начальник отдела

материально-технического снабжения треста тов. Глазков объясняет кратко:

— Ума не приложу, зачем они здесь? Среди достопримечательностей города Балхаш особый интерес вызывает гигантский фрезерный агрегат стоимостью в миллион четыреста тысяч рублей. Появился он на территории медеплавильного завода, как уверяют балхашские старожилы, в 1952 году, когда начали подумывать о реконструкции цеха номер два.

Думали да раздумали, а фрез привезли. Не отправлять же его обратно!

Рудник «Атасу». Сырьевая база «Казахстанской Магнитки». Среди холмов железного лома с величайшим трудом можно разыскать вагон-электростанцию мощностью 400 киловатт. От вагона сохранился остов, от электростанции — одно название. По свидетельству тов. Воронова, управляющего трестом «Атасурудстрой», ее по винтику растащили так давно, что ему трудно даже вспомнить дату.

На предприятиях Карагандинского совнархоза запасы неиспользованного оборудования за 11 месяцев минувшего года увеличились... знаете, на сколько? На 62 миллиона рублей и уже превысили четверть миллиарда!

Слух о карагандинских сокровищах разнесся по остальным восьми совнархозам республики. Провели об этом в Южно-Казахстанском совнархозе. Провели и решили:

— А мы чем хуже? И в Ачисае появилась подъемная машина для шахты «Скиповая», за которую копеечка в копеечку уплатили 2672 тысячи рублей. А уплатив, выяснили, что шахта строиться не будет. Как быть с подъемником, пока еще не выяснили: пусть пока лежит, ведь он кушать не просит!

Дошел слух о карагандинской практике и до Актюбинска. Руководители завода ферросплавов аж руками всплеснули:

— Нам на приобретение оборудования дали на год 320 тысяч? С ума сошли! А ну, заказывай, братцы, на 3 миллиона!

В Кустанайском совнархозе решили даже переплюнуть карагандинцев. Для строя-

щейся на Соколовско-Сарбайском комбинате фабрики обогащения сернистых руд нужно было заказать оборудование на 5 миллионов рублей. Заказали же и получили на 22 миллиона. Как говорится, запас кармана не тянет!

Так и набралось по девяти казахстанским совнархозам к концу 1958 года неиспользованного оборудования без малого на 500 миллионов рублей. Полмиллиарда!

Герой «Мертвых душ» копил куски сургуча, отломанные ручки от кресел, запачканные чернилами перышки и, по сути дела, предавался никчемным, но вполне невинным занятиям. У работников казахстанских совнархозов размах куда шире! И в самом деле: разве можно всерьез сравнивать грошовую шпору проезжего офицера с мостовыми кранами, электровозами, шахтными подъемниками стоимостью в сотни миллионов рублей?

Не те, как говорится, масштабы!

Н. ЗВЕРЕВ

г. Алма-Ата.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

До сих пор нет простой единой научной методики исчисления себестоимости сельскохозяйственной продукции в колхозах. По методике ЦСУ центнер картофеля в Московской области стоит 36 руб. 90 коп., а по методике Научно-исследовательского института экономики Госплана СССР — 60 руб. 98 коп. Чем методика «богаче», тем и цена выше...

Картофель в мундире.

ЮБЛЕИ.

ПОД ГРОМ КАРНАЕВ

КТО упрекнет Асада Абдуллаева в бездействии? Всю прошлую зиму и даже ранней весной в колхозе имени Ахунбабаева, Сыр-Дарьинского района, гремели торжественные тои. И под звуки дугаров и карнаев председатель колхоза Асад Абдуллаев произносил зажигательные речи. Он мобилизовывал, он вдохновлял, он с жаром призывал: — Обеспечим, товарищи! Сорок — и ни на грамм меньше!

А затем тов. Абдуллаев приказал местным художникам-самородкам оформить монументальные фанерные плакаты:

«Соберем по 40 центнеров хлопка с гектара!»

«Выполним план продажи хлопка государству к 41-й годовщине Октября!»

С особым блеском был оформлен плакат «Механизируем все работы по производству хлопка!». При одном взгляде на него у трактористов начинали чесаться руки.

— Вот это здорово! — восхищенно сказал заместитель председателя колхоза по механизации Иван Васильевич Жабин. — Молодцы, ребята, потрафили!

Эти плакаты были выставлены на всех дорогах, ведущих в колхоз. И проезжие говорили уважительно:

— Молодец, Асад! Вон как взялся за работу!

Все дело неожиданно испортил Турсунбай Латыпов, председатель соседнего колхоза «Коммунизм», Баяутского района. Конечно, ему было не по плечу тягаться с Асадом Абдуллаевым в смысле размаха изобразительного искусства. Он выставил у себя только один скромно оформленный плакат. Но на этом плакате было написано:

«Мы выполнили свое обязательство и сдали государству сверх 5920 тонн еще 1500 тонн хлопка».

— Что я вижу?! — воскликнул потрясенный Асад Абдуллаев. — И куда глядел мой

непрерывный заместитель по механизации Иван Васильевич Жабин?!

И, снова призвав к себе местных художников-самородков, он гневно сказал им:

— Вы отстали от жизни! Срочно, немедленно идите в бухгалтерию и возьмите там свежие цифры! Ваша задача — отобразить средствами изобразительного искусства все, чего мы достигли в этом году.

Художники побежали за красками и цифрами. Вскоре был изготовлен новый, сильно впечатляющий плакат:

«Мы выполнили план на 75 процентов!»

Под этими словами оформители — уже на свой страх и риск — вывели крупно: «Ура!»

— Вы что, смеетесь?! — возмутился Абдуллаев. — На «ура» хотите меня взять?!

Вл. ИВАНОВ

ЗАКЛИНАНИЕ

— НЕЛЬЗЯ БЕЗ КРИТИКИ И ДНЯ КРИТИКОВАТЬ ДОЛЖНЫ ЛЮБОГО!

Лишь не меня!

И ДРУГА И ОТЦА РОДНОГО!

Лишь не меня!

ТАК БОЛЬШЕ В КРИТИКЕ ОГНЯ!

Лишь не меня!

ВЕДЬ СМЕЛОСТЬ — КРИТИКИ ОСНОВА!

Лишь не меня!

КРИТИКОВАТЬ ВЗЫВАЮ СНОВА —

ЛЮБОГО —

РЕЗКО И СУРОВО!..

Лишь не меня! Лишь не меня!

— Это вы хотели взять на «ура», а Турсунбай Латыпов...

— Да что мне Латыпов, — закричал Асад, —

когда мы своими руками!..

— Вот в том-то и дело, что руками! — дерзко ответили живописцы. — А Латыпов работал машинами: и пахал, и сеял, и обрабатывал, и подкармливал хлопок, и убирал. Все машинами!

— Ты слышишь, Иван Васильевич, эти грубые слова? — вскинулся председатель.

— Не расстраивайся, дорогой Асад, — успокоительно сказал Жабин. — Подумаешь! Ну, стояли у нас механизмы. Так мы же на погоду надеялись! Откуда нам было знать, что она, подлая, подведет нас? Зато скоро так рванем, что листья посыплются. Как выйдет наша техника да как загудит!..

— Это где же она выйдет да загудит, если большинство тракторов до сих пор ждет у нас ремонта? — сказал стоявший неподалеку тракторист. — А когда пахать будем? Ведь двадцать девять машин ржавеют — прямо глаза бы не глядели!

...Наступило тягостное молчание. Абдуллаев уныло поглядел на Жабина, Жабин — на Абдуллаева. Затем оба они повернулись в сторону колхоза «Коммунизм», возглавляемого Латыповым. Оттуда с ветерком доносился приятный аромат: соседи готовились к праздничному тою...

Загрустивших руководителей слегка оживило внезапное появление секретаря Сыр-Дарьинского райкома партии тов. Каримова. Но и у него настроение было, прямо скажем, неважное. Секретарь приехал специально, чтобы еще раз строго-настроено поговорить с приверженцами ручного труда и поклонниками плакатной шумихи.

— В который уже раз!..

Акмаль ПУЛАТ

г. Ташкент.

Труженики колхозов и совхозов многих областей и республик взяли обязательства увеличить уже в этом году производство мяса в два — три раза.

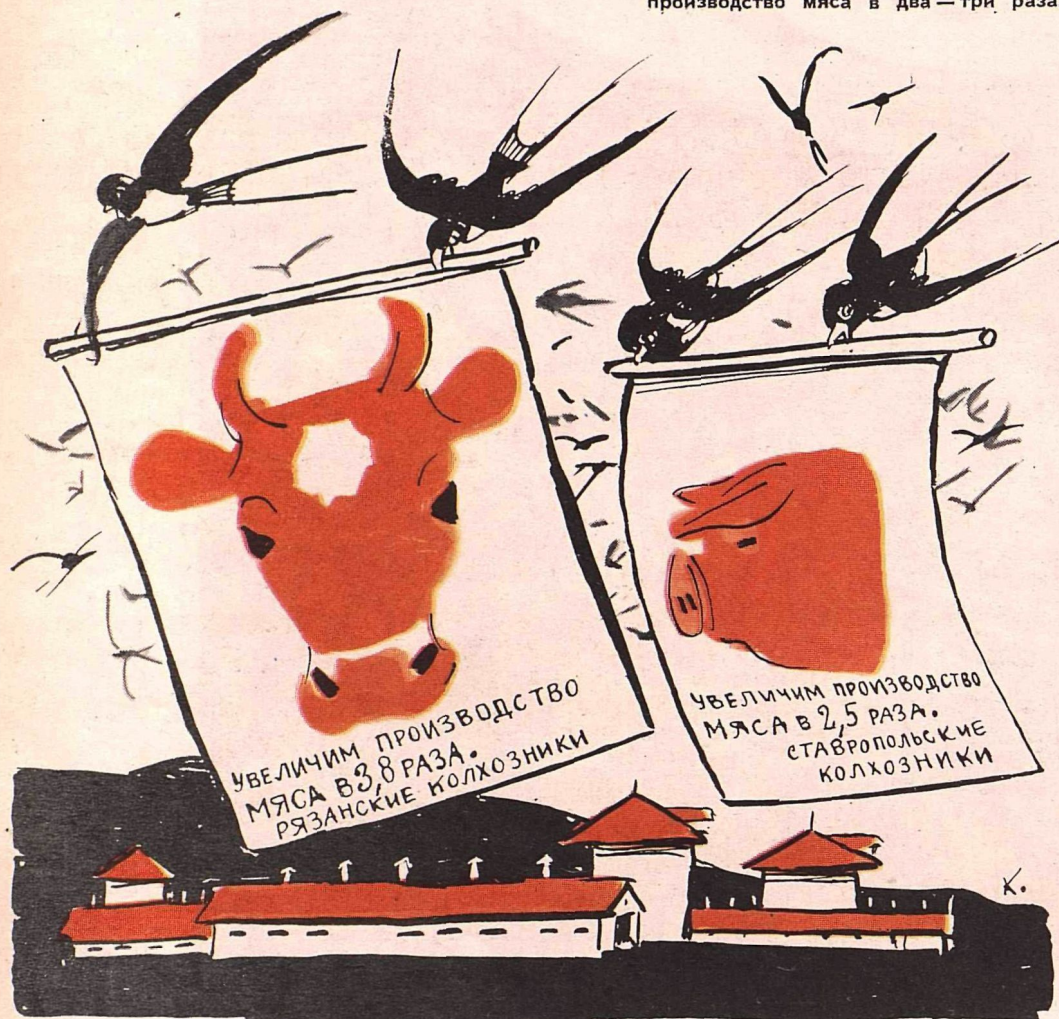

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Первые ласточки, предвещающие хорошее лето.

Производство сахара на душу населения увеличится с 26 килограммов в настоящее время до 41—44 килограммов в 1965 году. Одновременно уменьшится продажа спиртных напитков. Н. С. Хрущев заметил: «От этого получит выигрыш и государство и население, которое будет потреблять больше сладкого и меньше горького». (Оживление в зале. Аплодисменты).

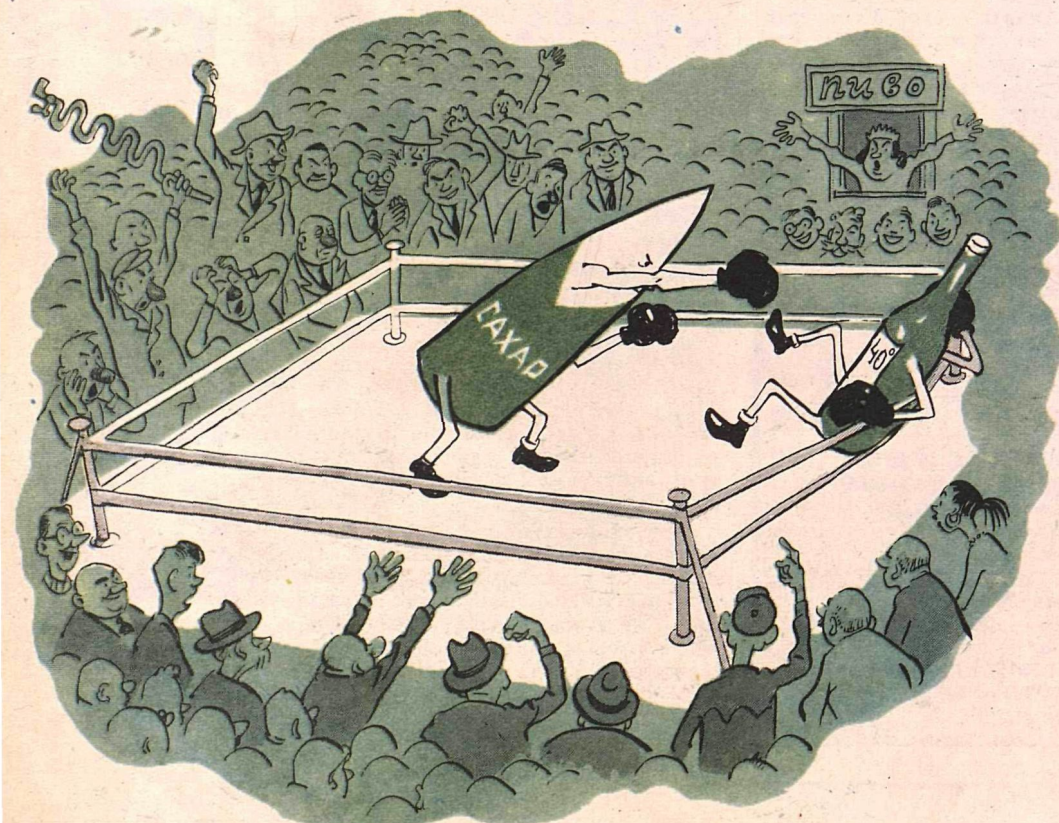

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Удар!.. Еще удар!..

Я НЕ собираюсь, дорогой читатель, подробно и обстоятельно рассказывать о только что закончившемся XXI съезде Коммунистической партии. Нет, такой задачи я сейчас перед собой не ставлю. Да и где мне угнаться за сотней быстроногих коллег, вооруженных телеграфом, радио, ротационными машинами, телевизионными устройствами, съемочными кинокамерами и даже... юпитерами, что совершенно в духе нашего космического века! Их дружными усилиями рассказ о съезде уже разнесен во все уголки нашей страны и далеко за ее пределы...

Нет, я не хочу соревноваться с ними. У меня более скромное намерение — прокомментировать слова, которые в газетных отчетах обычно заключаются в скобки и выделяются жирным шрифтом: **(Оживление в зале. Смех. Аплодисменты)**.

В самом деле, почему в дни работы съезда то и дело гремели под сводами Большого Кремлевского дворца слышные всему миру аплодисменты, почему сосредоточенные лица делегатов озаряла улыбка и деловую съездовскую атмосферу нарушало подчас явление, именуемое в энциклопедии взрывом веселого расположения духа?

Все это надо было видеть и слышать.

Надо было видеть, как оживились и как бурно зааплодировали делегаты, когда, встретившись в ложах зала заседаний, обнялись побратски Хо Ши Мин и посланец коммунистов Индии Аджой Гхош! Надо было видеть заключительную картину первого съездовского дня: она была замечательна! Тот же дядя Хо, как его ласково и любовно называют во Вьетнаме, подошел к только что закончившему свой шестичасовой доклад Н. С. Хрущеву, и они вместе направились к нашим дорогим зарубежным гостям. Словно могучая волна, пронеслась по залу овация...

Овация, вызванная чувствами братской дружбы, интернационализма, солидарности...

И я представил себе, какой мороз пробирал тех специалистов по антикоммунизму, которые настроились в этот момент на московскую волну! Какая жестокая лихomanка затрясла людей, съевших зубы на пророчествах о скорой гибели коммунизма, но не оставивших этого бесплодного занятия и сейчас, благо приобретение нового жевательного аппарата у дантиста щедро оплачено долларами! Как взбесились клеветники-ревизионисты, на которых даже их собратья из отряда пресмыкающихся взирают с некоторым любопытством и сомнением: ведь должен же когда-нибудь иссякнуть у клеветников запас желчи!

Прямо скажем: слух некоторых зарубежных слушателей мало ласкали аплодисменты в честь того,

что социализм в нашей стране победил полностью и окончательно; что не за горами тот рубеж, когда страны мировой социалистической системы будут производить более половины всей мировой промышленной продукции;

что самый высокий в мире жизненный уровень в скором времени навсегда примет советское подданство.

Если человек здоров, он смеется. Мы полны неиссякаемых творческих сил, и потому мы шутим, потому мы смеемся. Наша улыбка — знак крепкого, богатырского здоровья.

...Надо было наблюдать, как заулыбались делегаты, когда Н. С. Хрущев, оторвавшись от доклада, шутливо заметил:

Чтобы найти средства на производство оружия, правительства капиталистических государств львиную долю своих бюджетов направляют на милитаризацию, проводят политику ограбления трудящихся.

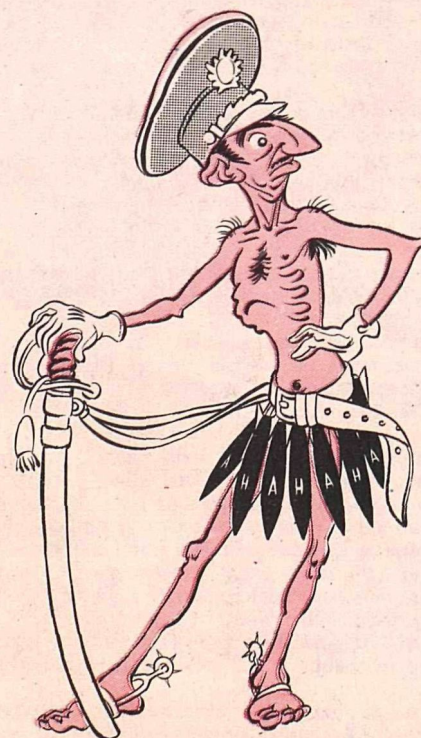

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Хотя и нагишом, да с палашом!

В ЗАЛЕ

— Вот видите, как только мы заговорили о тяжелой индустрии, ярко засверкало солнце. Это символично: и природа как бы приветствует наши успехи.

А солнце, благосклонно принявшее недавно в свою орбиту нашу красновоздушную планету, не только заглянуло в окна Кремлевского дворца, но и зажгло под его высокими сводами тысячи бликов. И не удержался тогда докладчик:

— Пусть это засвидетельствуют присутствующие здесь иностранные журналисты. Солнце освещает путь нашей семилетке.

Представители западных газет и агентств сидели неподалеку, и я увидел, как они усиленно заработали авторучками. Наверное, сочиняли что-нибудь о хмурой московской зиме или о жарварных замыслах большевиков в отношении солнца... Ну, что ж, как говорится, не хочешь — не смеяйся!

А делегаты съезда весело и одобрительно смеялись. Тому, что теперь всем надо хорошо привыкнуть к слову «триллион», так как наша семилетка — семилетка больших чисел. Тому, что уровень производства США — это совсем не конечная станция, а лишь разъезд, на котором мы оставим соперников, чтобы самим двинуться дальше. Тому, что в будущем мы сочтем закономерной лишь одну диспропорцию: повышение промышленного уровня сладкого и падение производства горького.

И было видно, как веселая улыбка озарила лица делегатов, когда один из ораторов сообщил, что самодеятельные пионерские дружины собрали железного лома значительно больше, чем 60 тысяч имеющихся в стране штатных заготовителей, и когда тот же оратор предложил как можно шире развернуть художественную самодеятельность, не полагаясь только на профессиональные художественные коллективы. Ведь в самом деле, нельзя же представить себе, что мы войдем в коммунизм, имея в каждом районе не менее одного штатного танцора!..

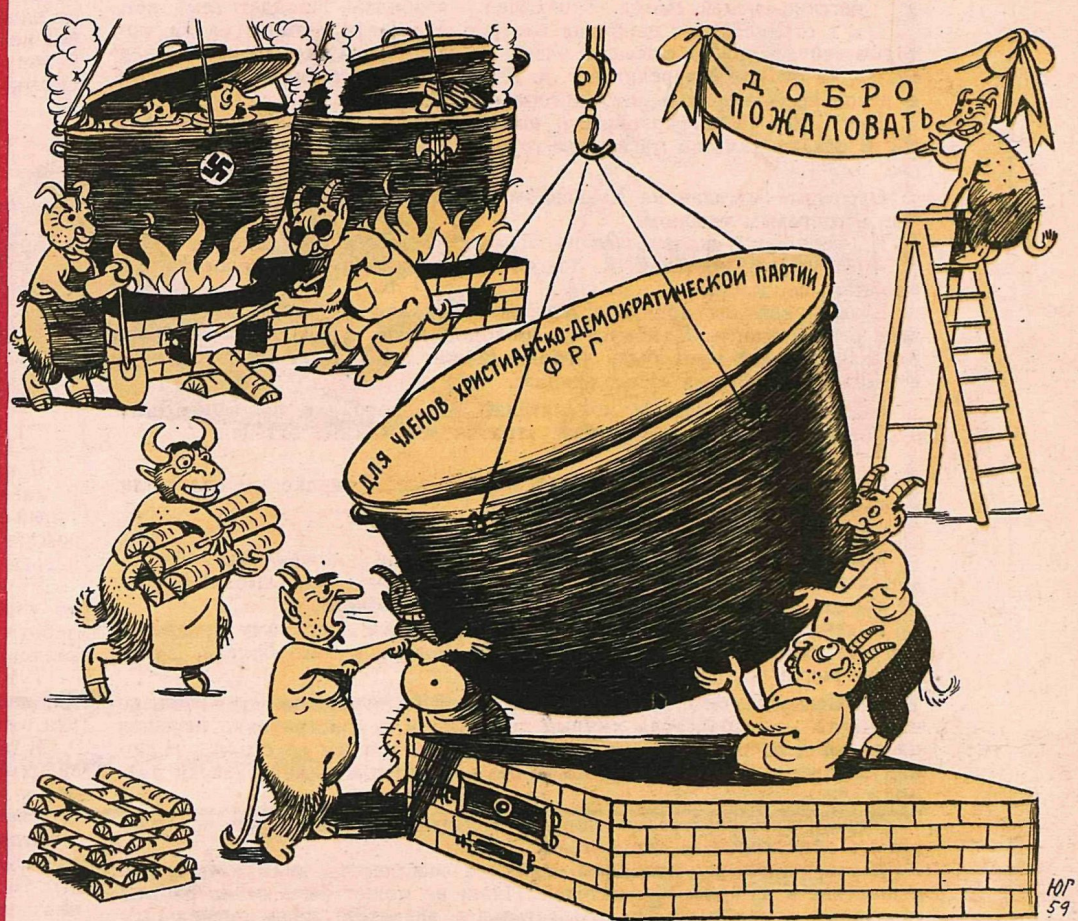
Есть такая поговорка: «Не до шуток рыбке, коли крючком под жабры хватают». Мудрая поговорка. Многих больших и малых рыбок зацепила под самые жабры меткая советская шутка: некоторых боннских святош, которые в одной руке держат крест, а другой норовят схватить атомную бомбу; любителей побряцать оружием, готовых щеголять хоть и нагишом, да с палашом; югославских ревизионистов, которые сами забрались по горло в лужу да еще кричат: «Не брызгайтесь!» В самом деле, господа, чем рассуждать об отмирании органов принуждения, откройте лучше двери ваших тюрем, в которых коммунисты томятся только потому, что они не согласны с новой программой Союза коммунистов Югославии!

Хорошо поработали делегаты нашего съезда! А когда работа идет хорошо, то и на душе весело. И было приятно видеть, как оживление в зале Большого Кремлевского дворца рождало оживление на заводах, стройках, в колхозах, в семьях тружеников города и деревни — всюду, где в эти дни жадно внимали голосу съезда.

В народе говорят: «Шутка — минутка, а заряжает на час». Бодрая, жизнерадостная атмосфера исторического съезда партии послужит зарядкой не на часы и дни, а на целые годы. Незабываемые, волнующие годы нашей великой семилетки!

М. СЕМЕНОВ

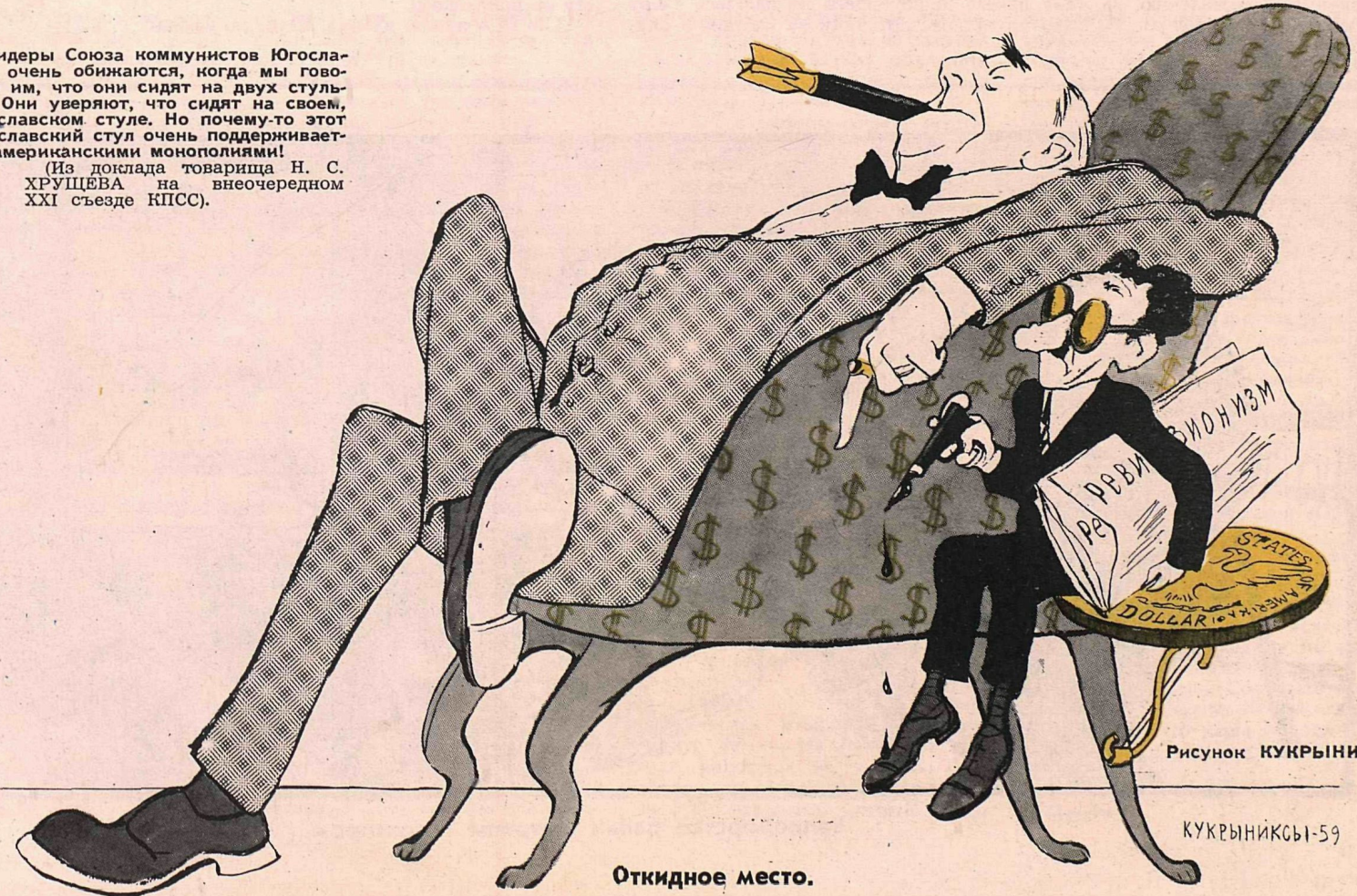
Если господин Аденауэр действительно верующий человек, то, казалось бы, согласно христианскому учению, он должен заботиться о будущем, о том, чтобы «душа его попала в рай». (Общ и с м е х). Но если посмотреть на подлинные деяния господина Аденауэра, то надо прямо сказать, что никаких перспектив попасть в рай у него нет. (О жив л е н и е в з а л е).
(Из доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА на внеочередном XXI съезде КПСС).

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ В АДУ...
...или перспектива, ожидающая христианских демократов-атомщиков.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Лидеры Союза коммунистов Югославии очень обижаются, когда мы говорим им, что они сидят на двух стульях. Они уверяют, что сидят на своем, югославском стуле. Но почему-то этот югославский стул очень поддерживается американскими монополиями!
(Из доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА на внеочередном XXI съезде КПСС).

Откидное место.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

КУКРЫНИКСЫ-59

ПРАВИЛО И...

ЕСТЬ короткое слово, за которым кроется радостный для всех советских людей смысл. Это слово — изобилие! Пройдет семь лет, и в стране будет изобилие товаров. Навсегда отомрут слова, которые сейчас можно слышать очень часто: «достать», «дефицитная вещь», «в порядке очереди» и т. д. Думая об этом недалеком будущем, я невольно вспоминаю одну историю наших дней...

Друг мой решил приобрести новый костюм. Мне захотелось того же. В путешествие по магазинам готовой одежды мы отправились вместе.

Огромный магазин на Кузнецком мосту. Роскошный магазин! Дворец с торговым уклоном!

Костюмов тут сколько угодно. Любых расцветок и фасонов.

— Помогите, пожалуйста, подобрать нам костюмы, — попросили мы молодого продавца.

Юный работник прилавка ласково улыбался. Просьба наша осталась без внимания. Улыбался он молодой даме, с которой беседовал. Возможно, перед нами была любовь. Может быть, даже самая пылкая во всей системе торга «Мосодежда».

Как несносны бывают покупатели! Мы повторили просьбу. Лицо продавца стало серьезным, голос утратил все нежные оттенки.

— Что нужно?

Сам тон вопроса исключал надежду на успех, однако мы изложили наше желание в третий раз.

— Я же занят! Неужели не видите?

Мы смутились. Нам стало стыдно. В самом деле, почему мы побеспокоили его, а не обратились к кому-нибудь другому? Ах, улыбка! В конце концов мы пришли за костюмом, а не за улыбкой!

Конечно, мы исправили ошибку и обратились к другому продавцу. Он был очень серьезен. Даже хмур. Возможно, у него болели зубы. Мы не вошли в его положение...

— Шейте на заказ у плохого портного! Хороший на вас шить не возьмется... — посоветовал хмурый продавец и демонстративно перешел на дальний от нас конец прилавка. Догонять его мы не стали... И покинули дворец с торговым уклоном без всякого сожаления. Поиски продолжались.

Между нами разгорелся спор, что является правилом и что исключением в обслуживании покупателей.

Я утверждал, что правилом являются вежливость, внимание, чуткое отношение к нуждам покупателей. Иным не может быть стиль работы столичных продавцов! Все отрицательное является лишь печальным исключением.

Друг мой придерживался обратной точки зрения:

— Мы обошли несколько магазинов. Где же оно, это правило?

Я умолк. Возразить было нечего. Правила встретить нам не удалось...

Уже к концу дня мы попали в крохотный магазин готовой одежды на Тишинском рынке. Изложили без всякой надежды нашу просьбу, и... тут произошло неожиданное. Пожилой, седой продавец вдруг приветливо улыбнулся, отстегнул бархатный канатик и пригласил:

— Проходите в примерочную! Постараемся подобрать!

И продавец действительно постарался. Он принесил костюм за костюмом. К сожалению, на меня ничего подходящего не нашлось (черт поberi мой пятый рост!). Зато другу повезло. Один из костюмов оказался ему впору.

— Так я плачу?

— Не торопитесь, — покачал головой продавец, — может быть, подберем лучше.

Примерка продолжалась и увенчалась полным успехом. Нашелся идеальный костюм. Хорошо сидел, был недорогим по цене и недешевым по виду.

Прощались мы, когда магазин уже закрывался. Тепло и искренне поблагодарили добросовестного продавца. Этот пожилой человек явился наглядным подтверждением Правила. Я торжествовал, хотя уходил без нового костюма. Уходя, я оставил продавцу номер своего телефона и попросил в виде одолжения позвонить, когда в магазине будут костюмы моего размера. Он обещал...

... ИСКЛЮЧЕНИЯ

Я верил, что он позвонит. Друг мой снова придерживался противоположной точки зрения. Прав опять оказался я. Продавец позвонил. Но то, что он сообщил, потрясло меня:

— Из-за вас меня увольняют с работы!

— За что?!

— За то, что я долго обслуживал вас.

Я не поверил. Я не мог поверить! Это оказалось чистой правдой. В магазине нашелся работник прилавка (еще одно исключение!), который истолковал добросовестные старания продавца по-своему: раз вежлив, внимателен и трудолюбив, значит, вымогает у покупателей деньги... Так он и написал директору торга «Мосодежда»...

Руководители торга — народ крутой! Вызвали продавца и объявили об увольнении. Протест дирекции магазина, многолетняя безупречная работа — ничто не было принято во внимание. Туманная кляуза оказалась сильнее...

Тут продавец вспомнил о моем телефоне... Да, его спасение стало для меня делом принципа! Ведь увольнялось Правило, и только за то, что оно Правило.

Я обратился к директору торга «Мосодежда» тов. Веселову. Он оказался очень занятым человеком. Говорить со мной о каком-то продавце он отказался. То, что мы вели разговор об увольнении Правила, до его сознания не дошло.

Тогда я позвонил заместителю начальника Московского управления торговли тов. Калмыкову. Он все понял. Несправедливость возмутила его. Он приказал не увольнять пожилого продавца, а изгнать кляузника, оказавшегося к тому же еще бездельником и расхитителем. Все сделали, как он распорядился. Только кляузника изгнали... в лучший магазин.

Тов. Калмыков тогда же обещал созвать совещание директоров магазинов «Мосодежда» и поговорить о Правиле и Исключениях, да так и не собрался.

А жаль.

Правило и Исключения... Порой нелегко определить, чего больше: правил или исключений! Если так, то уже есть основание бить тревогу.

Изобилие товаров народного потребления — наше недалекое будущее. А как торговать, когда из нашего обихода исчезнут слова «дефицитный товар»? Ведь тогда магазин, где не торжествует Правило, покупатели будут обходить стороной! Тогда Исключению не найдется места за прилавком!

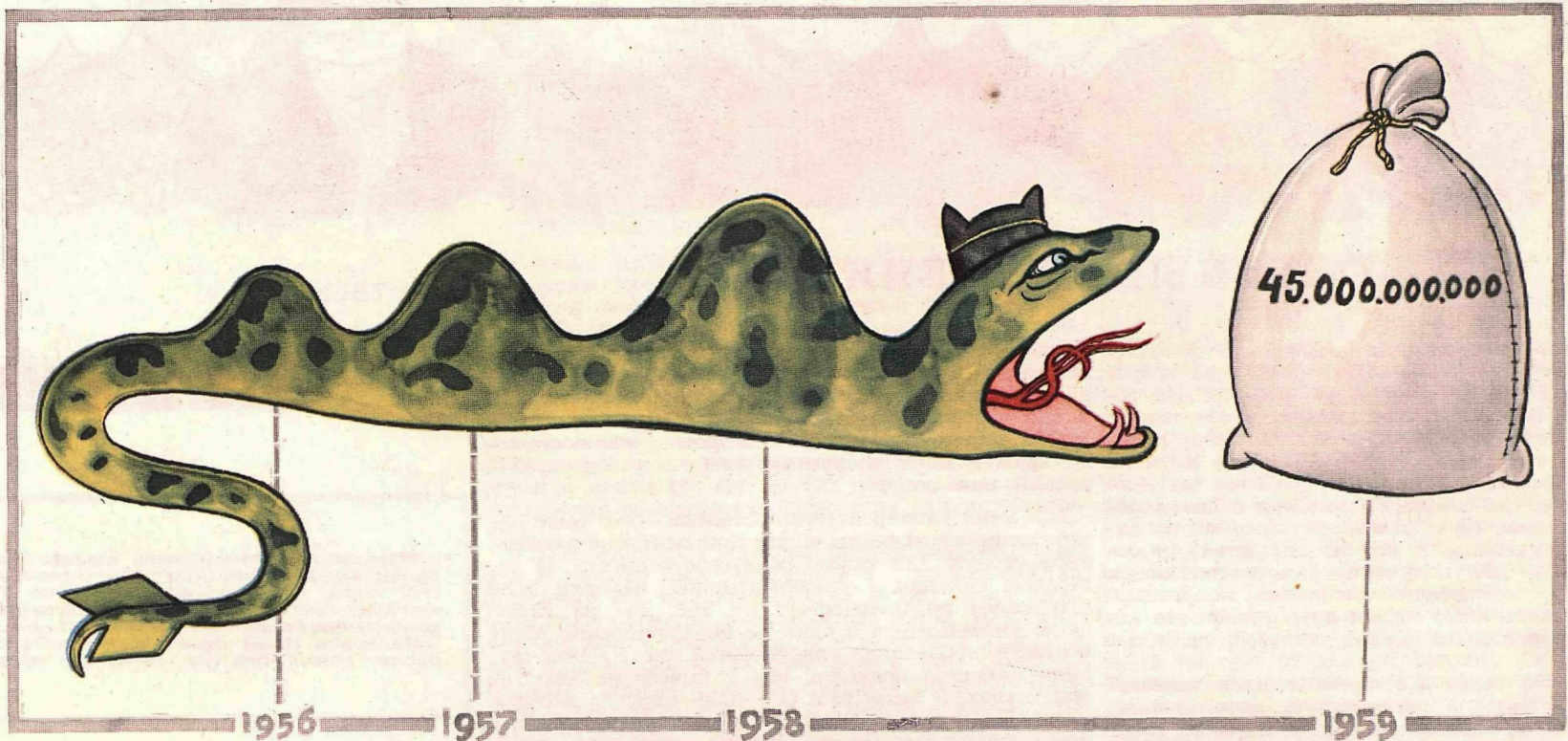
Об этом нужно думать. Сегодня! Сейчас!

В. КОЗЛОВ

Единоборство бабки Матрены с лектором.

Рисунок Гр. ОГАНОВА (г. Баку).

Аппетит приходит во время еды.

Дейв МАЙКЛСОН

Флит-Стрит смотрит на 1965 год

Х ОЛОДНЫЙ, промозглый день в декабре 1965 года. Густой туман клубится вдоль Стрэнда и Флит-стрит¹.

У окна стоит человек и смотрит на черно-серую мглу, затем нетерпеливо поворачивается и быстро усаживается во главе длинного стола, за которым уже сидят десять человек, и обращается к высокому худому джентльмену с трубкой:

— Сандерс, мне нужен этот материал завтра или послезавтра. И пусть он будет написан именно так, или вы пожалеете, что родились или, во всяком случае, что встретили меня.

Человек с трубкой устало отвечает:

— Послушайте, босс, я уже постарался объяснить вам. Это не так просто.

— Почему вы обязательно должны все усложнять? Считается, что вы эксперт по России. Тогда почему же вы не выполняете задание?

— Вы хотите, чтобы я написал о результатах советского семилетнего плана, почему он провалился, почему русские умирают с голоду и так далее? Я вам говорю, что этого написать нельзя. Лет двадцать тому назад, может быть,

¹ Флит-стрит — улица в Лондоне, где расположено большинство крупных буржуазных газет.

но не сейчас. Не в декабре 1965 года. Времена изменились. Если вы посмотрите на факты...

— К черту факты! Мне не нужны ни красные, ни даже розовые сотрудники, запомните это!

— Но поймите же, ведь только в прошлом месяце у нас был отчет Британской федерации промышленников. Вряд ли их можно считать красными. Они провели в России два месяца, изъездив ее вдоль и поперек. Они говорят, что план выполнен и перевыполнен.

— Чушь! Нет ничего легче, чем пускать пыль в глаза. Вам это следует знать. Они видели... Как это по-русски? Ага, потемкинские деревни. Специально сделанные для них.

— Виноват, но сталь? И квартиры, миллионы новых квартир. Это тоже деревни? Фабрики, школы, университеты? В конце концов они запустили на орбиту космическую лабораторию с десятью учеными.

— Я не желаю слушать об этих idiotских спутниках! Если вы не можете сделать то, что нужно, я найду других. Настоящих экспертов. Я создал свою «Дейли писк» без всяких экспертов, полагаясь на свой инстинкт. Что скажете вы, Симпсон? Вы экономический обозреватель. Я надеюсь, что вы не станете просвещать нас о русских успехах? Я хочу сделать специаль-

ный выпуск, посвященный правде, чистой правде об этом абсурдном русском плане. Я хочу объяснить читателям, почему из него ничего не вышло. Ну, как?

— Гм, с экономической стороны сделать это нелегко, босс. Как ни взгляни, никуда не денешься от их прогресса.

— Русские кое-чего достигли только потому, что мы торгуем с ними. Мы, должно быть, сошли с ума. Нельзя ли придумать какие-нибудь новые торговые запреты?

— Беда в том, что русские дают нам руду, автоматические машины, золото. Я не думаю, что кампания за торговые запреты будет сейчас особенно популярна. На их заказах держится несколько наших заводов, а ведь безработица растет...

— Ладно, напишите что-нибудь о том, как они голодают.

— Они давно обогнали Западную Европу в сельскохозяйственном производстве на душу населения. У них излишки продовольствия.

— Как насчет научной стороны, Томпсон?

— Ничего не выйдет. Русская космическая станция вращается вокруг Земли. На Луне уже два года работают их ученые. Они обследуют Марс, получают энергию водородного синтеза. Вряд

ли многое можно написать об их неудачах. Вы ведь знаете, что английские ученые изучают на курсах русский язык. Мало того, говорят, что у русских уже есть фотонная ракета.

— А что это такое?

— Это значит, что они могут путешествовать за пределами солнечной системы.

— К черту систему! Вудс, вы главный редактор, что вы можете сказать?

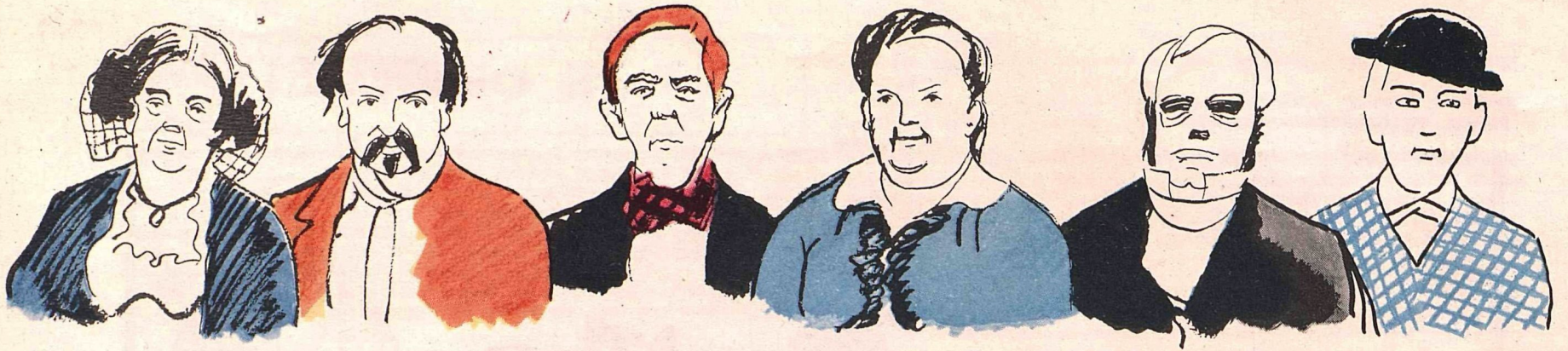
— Видите ли, от фактов никуда не уйдешь. Ко всему сказанному о России нужно добавить, что Китай движется с ошеломляющей быстротой. И это в то время, когда у нас в западном мире усиливается спад. Производство сокращается, заводы стоят...

— Может быть, вы поищите себе работу в московской «Правде»? Они бы вас взяли.

— Простите, босс, вас вызывает по телефону Москва.

— Алло, это говорят из «Правды». Мы проводим среди всех ведущих газет мира анкету по результатам выполнения нашего семилетнего плана. Сообщите коротко ваше мнение. Кстати, слышали ли вы, что наша очередная ракета только что отправилась на Венеру?

г. Лондон.

ПОЧЕТНЫЕ СТЕПЕНИ

Марк ТВЕН

НЕОПУБЛИ

ТРИ недели тому назад я получил из Лондона телеграмму, приглашающую меня приехать в Оксфорд и получить почетную степень. Не торопясь времени, я принял приглашение. Последние два года я решительно заявлял, что время путешествий для меня уже прошло и ничто в мире не заставит меня снова пересечь океан. И все же я не удивился быстроте, с которой позабыл о своем решении, как только пришло это лстящее моему самолюбию предложение. Я мог бы отказаться от поездки в Лондон для получения участка земли и сделал бы это без всякого сожаления, но университетская степень — это совсем другое дело, это награда, за которой я бы поехал в любое место и в любое время.

Я испытываю такое же самое детское удовольствие от новой степени, как индеец от свежего скальпа, и скрываю это удовольствие столь же мало, как и индеец свое. Я помню случай, когда мальчишкой я нашел на дороге потертую монетку и понял: ценность ее чрезвычайно возросла для меня из-за того, что я ее не заработал. Я помню, как десять лет спустя, в Киокаке, я нашел на улице пятидесятидолларовую бумажку, и ценность ее для меня также чрезвычайно возросла из-за сознания, что я ее не заработал. Я помню, как спустя еще восемь лет, в Сан-Франциско, когда у меня три месяца подряд не было ни работы, ни денег, я нашел десятицентовую монету и понял, что одна незаработанная монетка дала мне больше радости, чем дали бы сто заработанных. За свою жизнь я зарабо-

тал несколько сотен тысяч долларов, но эти деньги представляли для меня не больше, чем номинальную ценность, и воспоминания о том, когда и как я их получил, либо смутны, либо полностью стерлись в моей памяти. И, напротив, как постоянно яркие в моих воспоминаниях те три незаработанные находки!

Для меня университетские степени — это тоже незаработанные находки, и они приносят мне радость, характерную для такого рода собственности. И денежные находки и университетские находки пока одинаковы по количеству: их три. Две из Йэйлского университета и одна из Миссурийского. Меня безмерно обрадовало присуждение мне в Йэйле степени магистра искусств, ибо я ничего не знаю об искусствах. У меня был еще один приступ веселья, когда Йэйл сделал меня доктором литературы, потому что я не могу лечить чью-либо литературу, кроме своей, да и свою собственную мне удавалось поддерживать в добром здравии лишь с помощью жены. Я снова пришел в восторг, когда Миссурийский университет присудил мне степень доктора права, ибо это была чистая прибыль: я ведь знаю о законах лишь то, как их можно обходить и не быть пойманным.

А теперь в Оксфорде мне собираются присудить степень доктора изящной словесности — чистая прибыль, ибо если бы все, чего я не знаю об изящной словесности, можно было обратить в наличные, я был бы мультимиллионером.

Отрывки из автобиографии великого юмориста, которые мы публикуем сегодня, относятся к 1906—1907 годам. Над автобиографией Марк Твен работал много лет. Систему составления автобиографии он определил одним словом: «бессистемность».

На полях своей рукописи Марк Твен во многих местах ставил пометку: печатать через пятьдесят

тиями тяжелого и честного труда в чине рядовых.

Я уверен, что так не оскорбляют ни одну профессию, кроме нашей. Человек, не учившийся сапожному ремеслу, не предлагает мастерской своих услуг в качестве сапожника. Даже самый незрелый претендент на литературную славу этого не сделает. Он хорошо понимает: такое предложение было бы смехотворным и наглým. Ему совершенно ясно: чтобы стать жестянщиком, каменщиком, печатником, ветеринаром, мясником, вагоновожатым или акушеркой — чтобы овладеть любой профессией, посредством которой люди зарабатывают себе хлеб и славу, нужно сначала учиться.

Но когда дело доходит до литературы, его мудрость тут же испаряется, и ему кажется, что перед ним раскрывается профессия, которая не требует ни учения, ни опыта, ни знаний — ничего, кроме сознания таланта и львиной храбрости.

Представим себе похожий случай, например, претендента на оперную славу и гонорары. Он является в дирекцию театра и предлагает свои услуги на роль второго тенора. Администрация принимает его,

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ПИСАНИНА

ИЗ длительного опыта я знаю, что любительские произведения, предлагаемые якобы для честного и беспристрастного суда с последующим откровенным приговором, вручаются вам все не для этого. Чего от вас действительно ожидают, — так это комплиментов и поощрений. Мой опыт также говорит мне, что почти во всех любительских случаях комплименты и поощрения, если быть откровенным, невозможны.

Только что я прочел утреннюю почту и немного обеспокоился. Если бы эти произведения принадлежали перу знакомых людей, я бы не утруждал себя их чтением и вернул, соответственно моему обычаю, с замечанием, что мне недостает редакторского опыта и поэтому я не могу судить о чьей-либо литературе, кроме моей собственной. Но сегодняшний урожай принадлежит друзьям, и это меняет все дело. Я прочел их произведения, и результат обычен: это не литература. Они содержат

мясо, но наполовину сырое... Одно из этих произведений приближается к литературе, но любительская рука самым роковым образом портит его. Автор собирается в случае моего благоприятного приговора предложить свою рукопись в журнал.

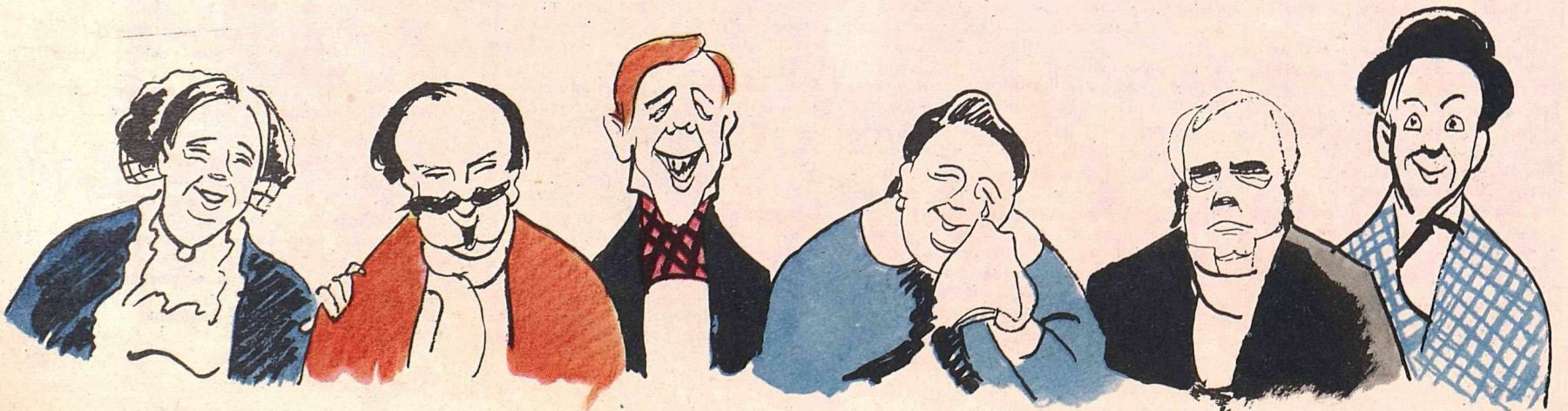
В этом наивном бесстрашии есть нечто вызывающее восхищение. Это возвышенная и безрассудная храбрость, которая, как мне кажется, встречается лишь в одной области — в области литературы. Кое-что похожее на эту храбрость встречается на войне, но только отдаленно похожее.

Ни один даже самый самоуверенный, неопытный солдат не предложит свою кандидатуру на пост генерала, а любитель это именно и делает. Своим неопытным пером он покрывает бумагу незрелыми мыслями и предлагает ее всем журналам по очереди. Другими словами, претендует на пост, который полагается лишь литературным генералам, работавшим свое звание годами и даже десятиле-

ПОВТОРЕНИЕ — это мощное оружие в юморе. При частом употреблении почти любая точно выраженная и неизменяющаяся формула в конце концов вызовет смех, если только она будет серьезно и с важным видом повторена с небольшими интервалами раз пять или шесть.

Я взялся доказать эту истину сорок лет тому назад в Сан-Франциско, во время своей второй по-

ЮМ

КОВАННОЕ

лет после моей смерти. Есть указания о семидесяти пяти годах, а в нескольких случаях приведена цифра пятьсот лет.

Главы автобиографии, которые мы помещаем сегодня, появились в декабре прошлого года в американском журнале «Харперс мэгэзин», по публикациям которого и сделан перевод.

договаривается об условиях и зачисляет в труппу. После первого акта режиссер подзывает к себе второго тенора и спрашивает:

— Вы когда-нибудь учились музыке?

— Гм, немножко. Да, сам, иногда. Для развлечения.

— Значит, вы никогда регулярно и настойчиво не готовились для оперной сцены под руководством специалистов?

— Нет.

— Тогда почему вы думаете, что сможете петь в «Лоэнгрине»?

— Я думал, что смогу. Я хотел попробовать. Мне казалось, что у меня есть голос.

— Да, у вас есть голос, и через пять лет настойчивой учебы у опытных педагогов вы, может быть, и добились бы успеха, но сейчас вы не годитесь. Если вы не можете уделить учебе достаточно времени и труда, лучше оставьте оперу и попробуйте заняться чем-нибудь еще, где не нужен ни опыт, ни учеба. Попробуйте себя, например, в хирургии...

ОП

пытки выступить с публичной лекцией. Первая лекция прошла удовлетворительно. После этого я подготовил вторую, но боялся за нее, потому что первые пятнадцать минут лекции не носили юмористического характера. Я почувствовал необходимость предупредить ее чем-нибудь таким, что бы заставило публику посмеяться и установило между нами приятные и дружеские отношения, вместо то-

го, чтобы публика прониклась критическим настроением, которое могло бы оказаться роковым.

С этой целью я приготовил трюк, который отчаянный, что до сих пор удивляюсь, как у меня хватило на него храбрости. Жителей Сан-Франциско лет пять или шесть подряд преследовал абсолютно глупый, бессмысленный и живучий анекдот, который всем до смерти надоел. Нужно было ни во что не ставить свою жизнь, чтобы рассказать его. Я решил начать свою лекцию именно этим анекдотом и повторять его до тех пор, пока сам факт повторения не завоюет публику и не заставит ее смеяться.

В зале собралось полторы тысячи человек, и так как я раньше был репортером в местных газетах, несколько сот присутствующих лично знали меня. Они любили меня, восхищались мною, и я знал, что они будут разочарованы и огорчены, услышав, как я вытаскиваю на свет божий этот одиозный анекдот с видом человека, который считает его новым и хорошим. Я начал с описания моего путешествия в почтовом дилижансе, потом сказал:

«На маленькой станции в дилижанс сел человек. Приятно побеседовав немножко, он сказал: «Я могу рассказать вам чрезвычайно смешную историю, если вы только хотите послушать ее. По этой дороге однажды проезжал Горас Грили. Когда он выезжал из Карсон-сити, он сказал кучеру Хэнку Монку, что у него лекция в Пласервилле и что он очень хочет попасть туда побыстрее. Хэнк Монк щелкнул кнутом и погнался лошадей со страшной скоростью. Дилижанс так запрыгал по ухабам, что у Гораса отлетели все пуговицы и он пробил головой крышу. Тогда он заорал Хэнку Монку, чтобы тот ехал потише. Он сказал, что торопится уже не так, как раньше. Но Хэнк Монк ответил: «Сиди на месте, Горас, я доставлю тебя туда вовремя!» И что же вы думаете? Он действительно доставил Гораса вовремя, вернее, то, что осталось от него!»

Я рассказал это ровным голосом, в самой монотонной и бесцветной манере, не подчеркивая ни одного слова, и вполне преуспел в своем намерении предельно ясно показать всю глупость и скуку этого анекдота. Затем я сделал паузу и постарался придать себе вид человека, чрезвычайно довольного самим собой и ожидающего взрыва хохота. Само собой разумеется, что смеха не было, даже малейшего намека на него. В зале царил мертвая тишина. Насколько мог видеть глаз, у всех были лица, на которые нельзя было смотреть без слез. Одни были явно оскорблены, другие выказывали отвращение. Мои друзья и приятели со стыда прятали глаза, и вся публика в целом имела такой вид, будто только что приняла двойную дозу рвотного.

Я попытался выглядеть смущенным и сделал это очень убедительно. Несколько секунд я стоял молча, как бы не зная, что делать со своими руками, всем своим видом изображая молчаливую мольбу о сочувствии. Многие жалели меня, я мог это ясно видеть. Но я также ясно видел, что остальные жаждут крови. Вскоре я снова заговорил, неуклюже

приводя дополнительные подробности своего путешествия, и начал снова подходить к этому анекдоту с видом рассказчика, который уверен, что в следующую раз публике история обязательно понравится, стоит ее только рассказать получше. Аудитория почувствовала, что я вот-вот снова расскажу тот же анекдот, и возмущение стало всеобщим. Тогда я сказал: «Сразу после того, как мы выехали из Джулсбурга, я сидел рядом с кучером, и он сказал мне: «Я могу рассказать вам чрезвычайно смешную историю, если вы только хотите послушать ее. По этой дороге однажды проезжал Горас Грили. Когда он выезжал из Карсон-сити, он сказал кучеру Хэнку Монку, что у него лекция в Пласервилле и что он очень хочет попасть туда побыстрее. Хэнк Монк щелкнул кнутом и погнался лошадей со страшной скоростью. Дилижанс так запрыгал по ухабам, что у Гораса отлетели все пуговицы и он пробил головой крышу. Тогда он заорал Хэнку Монку, чтобы тот ехал потише. Он сказал, что торопится уже не так, как раньше. Но Хэнк Монк ответил: «Сиди на месте, Горас, я доставлю тебя туда вовремя!» И что же вы думаете? Он действительно доставил Гораса вовремя, вернее, то, что осталось от него!»

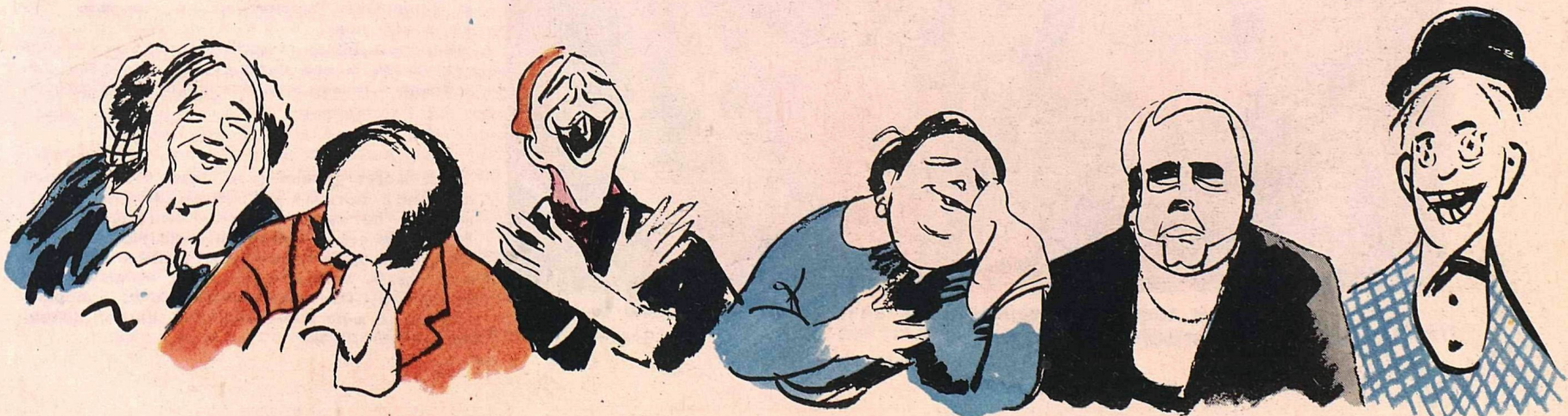
Я снова остановился и посмотрел на публику, но в зале не слышно было ни звука. Все молчали, как могила. Я снова казался смущенным. Я снова не знал, что делать со своими руками. Я постарался выглядеть так, будто вот-вот заплачу, и после долгой паузы снова нерешительно и неловко стал рассказывать о своем путешествии, подбираясь к анекдоту. Публика проявляла явное нетерпение, но я упорно бормотал и бормотал, изо всех сил стараясь выглядеть как человек, который уверен, что существует какая-то таинственная причина, по которой все эти люди не чувствуют юмора анекдота, и что они должны понять это, если мне в конце концов удастся рассказать его так, как нужно, и поэтому я должен сделать еще одну попытку. Я сказал: «Пару дней спустя в экипаж сел человек из Денвера и, приятно побеседовав немножко... (И я снова рассказал всю историю, кончив словами: «Сиди на месте, Горас, я доставлю тебя туда вовремя!» И что же вы думаете? Он действительно доставил Гораса вовремя, вернее, то, что осталось от него!»)

Внезапно передние ряды поняли мой трюк и разразились смехом. Он распространился назад, затем прокатился вперед, затем снова назад, и через минуту смех был всеобщим и бурным, как шквал.

Для меня это были божественные звуки, ибо я почти шатался от слабости и пришел было к убеждению, что мне придется стоять здесь всю ночь, рассказывая этот анекдот. Я уверен, что выстоял бы и в конце концов сломил бы публику своим монотонным повторением, заставив ее раньше или позже разглядеть в нем тонкий юмор.

Сокращенный перевод
с английского З. Юрьева.

Иллюстрации В. ГОРЯЕВА.

В ЖАНРЕ ФАНТАСТИКИ

Жанр фантастики — один из популярнейших литературных жанров.

Когда д-р Рэймонд, профессор Нью-Йоркского университета, в прошлом сотрудник посольства США в Москве, опубликовал в «Ридерс Дайджест» свой труд «Что русские рассказали мне в частных беседах», мыслящие читатели, в особенности те, кто побывал в Советском Союзе, отнесли его произведение к жанру фантастики. Поскольку мы с ними вполне согласны, то решили несколько продолжить труд этого почтенного автора. Мы живо вообразили себе, как на следующий день после опубликования труда профессора к нему ворвался запыхавшийся мужчина средних лет и сказал:

— Но, дорогой профессор, это же готовый фильм! Это сенсация!

— Вы полагаете? — не без самодовольства сказал д-р Рэймонд. — Но ведь для фильма прежде всего нужен сценарий.

— Вот! — воскликнул мужчина и выдернул из портфеля несколько листов бумаги. — Он целиком построен на фактах, взятых из вашей статьи.

И на столе появилась рукопись:

«ЧТО РУССКИЕ РАССКАЗАЛИ МНЕ В ЧАСТНЫХ БЕСЕДАХ».

Из затемнения постепенно вырисовывается

карта, на карте — пространство от Балтийского моря до китайской границы. Легкий туман застилает все, и на экране возникает лицо д-ра Рэймонда.

Лицо расплывается в улыбку. Крупно — зубы. На фоне зубов надпись:

Действующие лица:

Клерк

Простая женщина

Студенты — любители рок-н-ролла

Босоногая крестьянка

И другие.

Снова лицо д-ра Элворса Рэймонда. Улыбка. Зубы.

Голос диктора. Леди и джентльмены! Вы видите перед собой доктора Элворса Рэймонда, знатока Советской страны. Сейчас он вам расскажет о своих странствиях и встречах в России. Слушайте, слушайте...

Наплыв. Д-р Рэймонд и советский клерк.

Д-р Рэймонд. Если не ошибаюсь, вам угодно закурить... (Достает зажигалку.)

Клерк (вскрикивая от удивления). Боже! Что это у вас?

Д-р Рэймонд. Всего только зажигалка!

Клерк. Чудеса! Вот что значит Америка! Щелкнешь — и горит! Просто чудо! Вот штука!

Д-р Рэймонд. Да, именно так... Чудо! Огромный технический прогресс. Не правда ли? Аме-

риканский образ жизни... А у вас что? Какая-нибудь там искусственная планета? Хотите, я вам подарю эту зажигалку?

Клерк (всплеснув руками). Вы? Мне? Какое счастье! Я не вынесу его!

Д-р Рэймонд. Пустяки...

Клерк (с просветлевшим лицом). О, я никогда этого не забуду! Зажигалка! Какая радость! (Убегает, рыдая от счастья.)

Д-р Рэймонд. Эта встреча глубоко тронула меня... Я продолжал мое знакомство с советскими людьми и страной. Я посещал рестораны, уборные, базары, комиссионные магазины, и вот однажды...

Затемнение. Из затемнения — д-р Рэймонд и женщина.

Женщина. Простите... У вас такое благородное лицо. Только у иностранцев бывают такие умные лица.

Д-р Рэймонд. Да, это так. Я американец...

Женщина. Наконец! Как я мечтала об этой встрече! Увидеть живого американца — и можно умереть! Но вы так хорошо говорите по-русски.

Д-р Рэймонд (скромно). Ну что вы... Конечно, я знаю разные чисто русские слова: «квас», «балалайка», «свиная тушенка».

Женщина. О, как хорошо, что вы вспомнили! Американские поставки... Свиная тушенка... Молочный порошок... Какая прелесть! Незабываемое наслаждение! Позвольте мне обнять вас, великодушный гость! (Рыдает.) Я так счастлива... Я расскажу моим детям, и внукам, и правнукам об этой встрече... (Рыдает от счастья.)

Д-р Рэймонд. Однажды я повстречал компанию молодежи. Это были студенты.

Затемнение. Д-р Рэймонд среди студентов.

Д-р Рэймонд. Друзья мои, мне так хотелось бы вам чем-нибудь помочь... Но чем? Но как?

Первый студент. Я не смею... Я не решаюсь... Ведь это сокровеннейшая мечта моей жизни!

Второй студент. Ваша культура, прогресс и тому подобное. Но есть нечто для нас непонятное... Вы не обидитесь?

Д-р Рэймонд. Смелее, мой юный друг!.. У нас тоже есть самокритика.

Первый студент. Ну, так и быть... Вот наши претензии. Мы просим, прямо умоляем, чтобы «Голос Америки» чаще передавал рок-н-ролл... Это — наше единственное желание!

Затемнение. Гремит рок-н-ролл.

Д-р Рэймонд (из затемнения). Одна встреча прямо раздирает мне сердце... (Вытирает платком глаза.) Однажды я увидел...

Наплыв... Босоногая крестьянка.

Босоногая крестьянка (всплеснув руками). Профессор! Доктор Рэймонд! Тот самый... Дивный американец!

Д-р Рэймонд. Вы меня знаете, мое дитя?..

Босоногая крестьянка. Кто вас не знает! Кто не знает эту светлую личность! (Иступленно рыдает.) Возьмите меня с собой, к вам, туда, за океан... Под сень небоскребов, туда, где кока-кола... Пешком за тобой, босиком по Атлантике, на Бродвей, на Пятое авеню, туда, где американский образ жизни, где джаз Дюка Элингтона! Туда, где буги-вуги!

Гремит джаз.

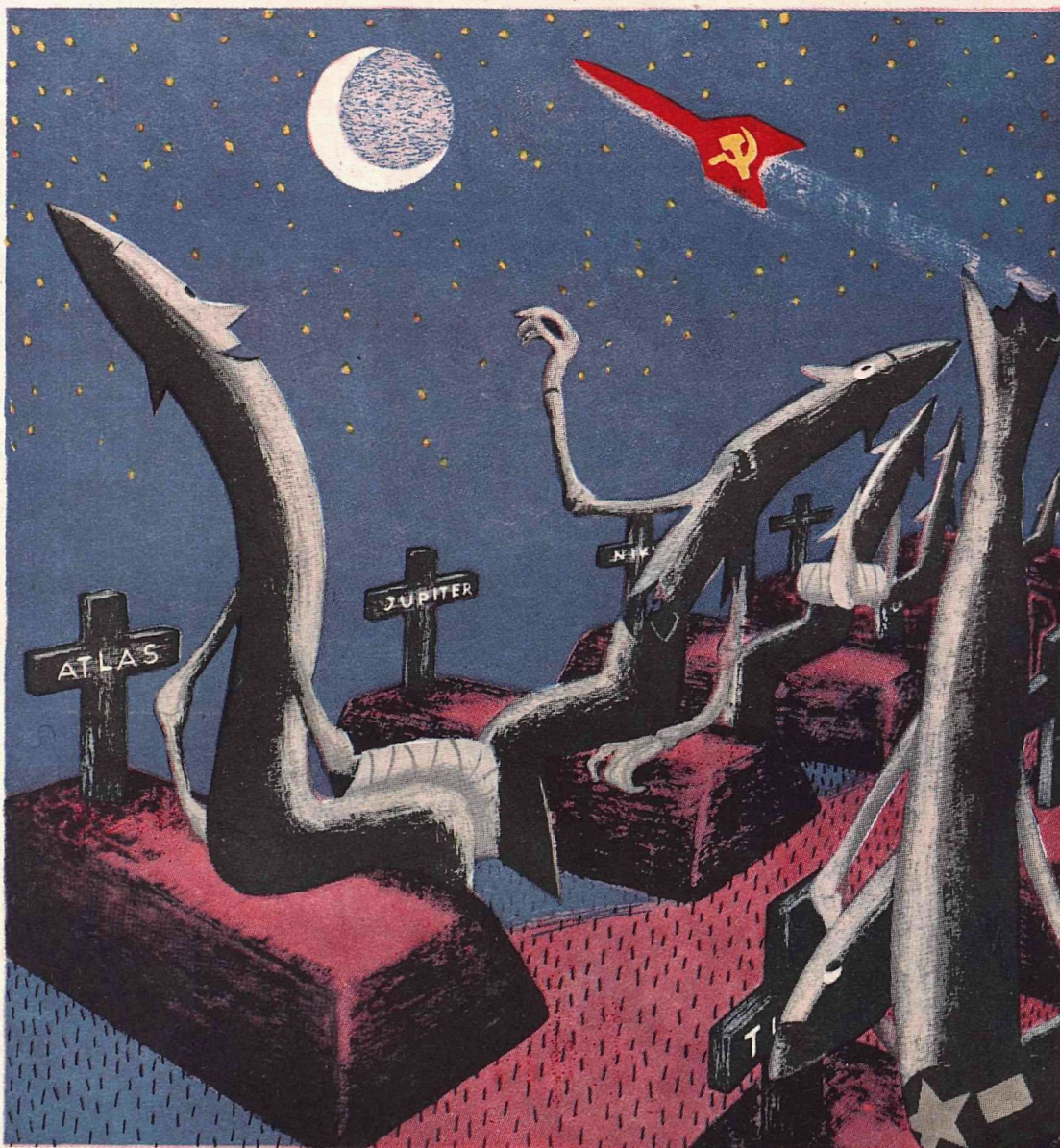
Голос диктора. Так путешествовал профессор доктор Рэймонд. И с кем бы он ни беседовал, он будил в их сердцах нежную любовь и стремление к нашему американскому образу жизни. Как видите, жилет и пиджак его обильно смочены слезами, рука его устала от рукопожатий, шея — от объятий восторженных собеседников. Рыдания их до сих пор звучат в его ушах.

Впрочем, более подробно наши зрители могут узнать о его путешествии, прочитав декабрьский номер журнала «Ридерс Дайджест».

★

Нас могут упрекнуть в том, что сценарий фильма, с которым мы познакомили читателей, никогда не существовал и существовать не будет, что это чистая фантастика. Но ведь произведение д-ра Рэймонда относится к области не весьма чистой фантастики. И по правде говоря, мы почти не уклонились от содержания труда д-ра Рэймонда. Это пример законного соавторства.

Рисунок Курта ПОЛТИНЬЯКА (ГДР).

— Без наших хвастливых генералов и алчных концернов мы были бы живы и могли бы его сопровождать!

СЕМЬ СПЯЩИХ ДЕВ

НЕ спрашивайте меня, почему их семь! Я сам не знаю. Данные ориентировочные. Приблизительно семь. Приблизительно дев. Безусловно, спящих.

Представьте, являются ко мне домой. Как-то неудобно стало. Что подумают соседи? Что скажут читатели?

— В чем дело? — спрашиваю. — Что случилось, девушки?

— Это мы спрашиваем, в чем дело. Решили обратиться к помощи печати. Просим разобраться.

— Давайте по порядку. Назовите фамилии! Откуда прибыли, где остановились?

Пять девиц четко, одна за другой, рапортуют:

— Катерина. Из Германии XVIII века. В Театре Станиславского. В «Домике у моря».

— Миссис Уоррен. Англия конца прошлого века. Театр Советской Армии.

— Мона. Довоенная Румыния. Прибыла в распоряжение Филиала МХАТа. «Безымянная звезда».

— Филумена Мартурано. Итальянка. Театр имени Вахтангова.

— Лиззи Мак-Кей. Из Соединенных Штатов. В Театре имени Моссовета.

Две молчат.

— Вот вы, которая с шалью, почему молчите?

— А меня уже называли. Миссис Уоррен. Англия конца прошлого века.

— Вы что, сестры?

— Даже не однофамилицы. Разве может быть человек сам себе однофамильцем? Мы одно и то же лицо. Вот та — в Театре Советской Армии, а я — в Театре сатиры. Небольшое раздвоение личности. Но в конце концов все одно и то же. Одна и та же миссис Уоррен.

— Понятно... (Это у меня такая привычка: когда я совершенно ничего не могу сообразить, для выигрыша времени всегда говорю: «Понятно»... Очень помогает.) Ну, а вот вы, которая в шелковых черных чулках... Как вас зовут?

— Костя — дивный мальчик!

— Слушайте, вы не мальчик. А я не Костя. Назовите фамилию!

— Костя — дивный мальчик.

Тут вмешалась Катерина:

— Бедняжка не виновата. Я ее знаю. Мы работали на одной сцене. В Театре Станиславского. Она прибыла из начала нашего века. Автор пьесы «Трус», драматург Крон, имени ей не дал. Окрестил так: «Существо». И текста почти никакого у нее нет. Она там только повторяет: «Костя — дивный мальчик».

— Не верьте ей! — вдруг возразило Существо. — Я и другие слова произношу: «Военные всегда смеются», «Такой интересный мужчина — и скучает», «Теперь ты меня не будешь уважать?». А еще я поправляю чулки. Вот так, Костя — дивный мальчик.

— Девушки, тише! Поймите: у меня соседи! Через стенку все слышно. А вы всякие слова говорите. Погодите, я хоть радио включу.

— Не включайте, если вы нервный. Сегодня передача «Театр у микрофона». Можете и не такое услышать.

— Понятно. Понятно... Значит, у этой, которая в чулках, та же профессия, что и у миссис Уоррен?

— У нас у всех одна профессия. Будем называть вещи своими именами. Мы одна другой не мешали. Почему же вдруг нас одновременно вытащили на сцену? Почему устроили здесь этот — как его? — театральный фестиваль? Почему, кроме нас, кадровых, еще заявили представители смежных профессий: маркитантки, баядерки... Все произносят что-то игривое. Все поправляют что-то пикантное. Зрители сначала было посмеивались, а сейчас говорят: какой однообразный пейзаж! Нам неприятно, когда публика недовольна.

— Что ж, — говорю, — понятно... Нельзя сказать, что вы главная тема современности. Нельзя утверждать, что ваша профессия ведущая. Даже в условиях капитализма.

— Так мы разве на это претендуем? Наше дело какое? По замыслу авторов мы должны обличать фальшь и лицемерие буржуазного общества. Ну, это мы можем. Обличаем лицемерие. Опять же обличаем фальшь. Лиззи это умеет, Филумена тоже умеет, другие стараются... Но разве больше бичевать нечего? И потом некоторые переводчики и постановщики некрасиво поступают: норовят подчеркнуть в нас не человека, а профессию. Позволяют себе лишнее. Впадают, извините за грубое слово, в натурализм. Режиссеры, конечно, объясняют, что позволяют себе этот гольф натурализм в целях обличения. Но мы-то понимаем, когда обличение, а когда детям до шестнадцати лет смотреть воспрещается... — Понятно. Благодарю вас за ряд критических замечаний. При случае доведу их до сведения соответствующих...

— Костя — дивный мальчик, но немножко бюрократ. Хотите наше заявление замариновать? Не выйдет!

Тут все семь топнули ножками, хлопнули дверью и застучали каблучками по лестнице. Я остался один.

Что ж теперь делать? Менять семь земных дев на двенадцать бестелесных? Нет! Мы не за шараханье, не за чопорность и ханжество. Просто речь о том, что пьесы с героинями определенного толка пошли косяком.

Слишком много чего-нибудь всегда плохо.

РЕЦЕНЗИЯ В СТИХАХ

В Центральном театре кукол все режиссеры и режиссеры ставят новые пьесы для детей. За последнее время был поставлен только один детский спектакль — «Сказка о потерянном времени».

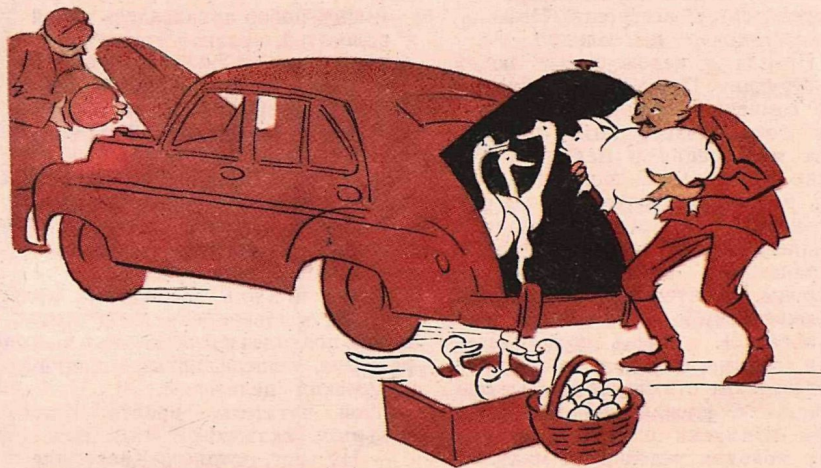
**С волнением слово в слово
Сообщаю объявление:
«В театре Образцова
Сегодня представленье
Без шорохов,
Без выстрелов,
Без огненных страстей.
Полдня у кассы выстояв,
Ведите в зал детей!»
«Нет, здесь недоразуменье:
Товарищ Образцов
Готовит представленье
Для мам и для отцов». —
Словам не верят зрители
(Попутал, видно, бес):
Давным-давно не видели
Здесь новых детских пьес.
И сам я был растерянным,
Когда пять дней назад
О времени потерянном
Шла сказка для ребят.
В ней юмор и поэзия,
Чудес полны два акта.
И в прозе мне рецензию
Писать неловко как-то.**

**Спектакль назидательный,
Спектакль воспитательный,
При всем при том при этом
Еще и увлекательный.
Володи, Пети, Веры
Не дремлют ни минуты.
Ребята — гулливеры,
Актеры — пилипуты.**

**Хлопки звучали весело
Во время представленья.
А после дети сделали
Такое заявленье:
От юного народа
Мы вносим предложенье:
Повесьте вы у входа
Такое объявленье:
«Здесь только юным зрителям
Спектакль посвящен.
И вход сюда родителям
Строжайше воспрещен!
К тому ж еще заметим,
Что кукол дарят детям:
Нужней они ребятам,
Чем дядям бородастым».**

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— Не извольте беспокоиться! Вашу машину уже заправили!

ТЕТУШКА ПРАСКОВЬЯ

И ДРУГИЕ

ТЕТУШКА Прасковья, она же Прасковья Трифионовна Карпухан из Читы, все существующие на белом свете многочисленные болезни и недуги, от туберкулеза до хронического насморка включительно, лечила растительным маслом.

Масло (желательно подсолнечное, но на худой конец можно и арахисовое) проникающая тетушка рекомендовала не пить бутылками, не принимать ложками, не вливать в носдрю по капле и более, а сосать. Осторожно проглотить его сквозь зубы, а затем, «действуя щеками и челюстями, помогая себе языком», именно сосать, донезе вся порция не расосется.

Свой метод тетушка Прасковья изложила в инструкции, перепечатанной на машинке и названной просто и скромно, как и подобает именовать серьезные документы с научным содержанием, — «Лечение хронических заболеваний». И подписалась под инструкцией титулом, звучащим тоже веско и вполне благопристойно: ассистент Киевского гидромелиоративного института. Не доцент, не профессор, не кандидат наук, что было бы перебором, а ассистент. Несколько загадочно, но солидно.

Правда, у недоверчивых людей инструкция Прасковьи возбуждала сомнение странным сближением таких разнородных понятий, как мелиорация и медицина. Но ведь Прасковья инструкция была рассчитана именно на людей доверчивых, невежественных, принадлежащих к довольно распространенному виду человеческой породы, именуемому «простофиля обыкновенный», или «простак вульгарис». Эти люди, считая, видимо, что вода и масло — родственные стихии, поскольку они жидкости, клевали на Прасковьины приманки охотно и жадно, как молодая улейка на муху.

Читинские простак и простофили, «действуя щеками и языком», усердно сосали подсолнечное масло, чем и вызывали у себя сильные поносы, каковые лечили в городских поликлиниках уже средствами нормальной фармакологии. В связи с тем, что кривая кишечных расстройств с помощью тетушки Прасковьи в Чите круто метнулась вверх, по городу пошли толки и пересуды. И все кончилось тем, чем обычно и кончаются подобные немудреные исторички, — фельетоном в местной газете, в данном случае в «Забайкальском рабочем». Тетушка Прасковья, королева массовых поносов, была разоблачена, высмеяна и низринута в бездну позора.

Почти одновременно с Прасковьей Трифионовной Карпухан, «ассистентом-мелиоратором», в городе Нижнем Тагиле на Урале действовал некий Степаньч, он же Павел Хазов. Прасковья прельщала простаков и простофиль «интеллигентностью» и «ученостью», — Степаньч бил на «народность». Нервную экзему, например, он про-

студушно называл «пчесухой» и, смазывая лицо, руки и ноги своих пациентов и пациенток какой-то самодельной вонючей дрянью, нашептывал при этом древнее заклинание:

— И чтобы у рабы божьей имярек все недуги вышли, в воде потонули, в огне сгорели...

За это издевательство над собой раба божья, а вернее, раба своей дремучей темноты и диких суеверий, платила Степаньчу сто рублей. А затем... ложилась в больницу, как это и произошло с работницей Высокогорского рудника А. Она пришла к Степаньчу с экземой. Он помазал, пошептал — и... девушку с сильнейшим раздражением кожи отвезли в больницу на целый месяц.

В том же Нижнем Тагиле недавно подвизался еще один «исцелитель», Игорь Белоусов. Этот всегда полупьяный верзила и ухарь лечил внушением.

Оглушая своих пациентов запахом водочного перегара и хриплым басом, он приказывал трепещущим от благоговейного страха простофилям:

— Прикоснись к телу моему, чадо!

«Чадо» робко прикасалось рукой к волосатой, грязной груди целителя.

— Через неделю будешь здоров! — возвещал целитель и врачал налитыми водкой, страшными глазами.

Брал Игорь Белоусов за это врачение глазами по таксе: лечение от запоя и курения — шестьдесят целковых, внутренние болезни — сто двадцать пять рублей.

Финал и здесь последовал читинский: в газете «Уральский рабочий» появился разоблачительный фельетон, посвященный ниже-тагильским целителям.

Иной читатель, прочтя этот фельетон, скажет:

— Ну вот, опять в Крокодиле пишут про шарлатанов и исцелителей! Какая избитая тема!

Это верно: тема старая, избитая! Но что же делать, дорогие товарищи, если она не уходит из жизни!

Да вот смотрите сами: почти одновременно в двух крупных городах страны действуют, наживаясь на людских несчастьях, три матери шарлатана. Отличаются они друг от друга лишь способом обольванивания простодушных и доверчивых людей. А сколько мелких шарлатанов и шарлатанчиков остается вне поля зрения газет!

Суд? Прокуратура? Милиция? Они, конечно, тоже борются. Но как-то очень уж застенчиво и либерально. «Лицо», уличенное в занятии врачеванием, как профессией, не имеющее при этом «надлежаще удостоверенного медицинского образования», получает по закону за свою деятельность на ниве шарлатанства всего лишь шесть месяцев исправительно-трудовых работ или пятьсот рублей штрафа. Пятьсот рублей! Да лю-

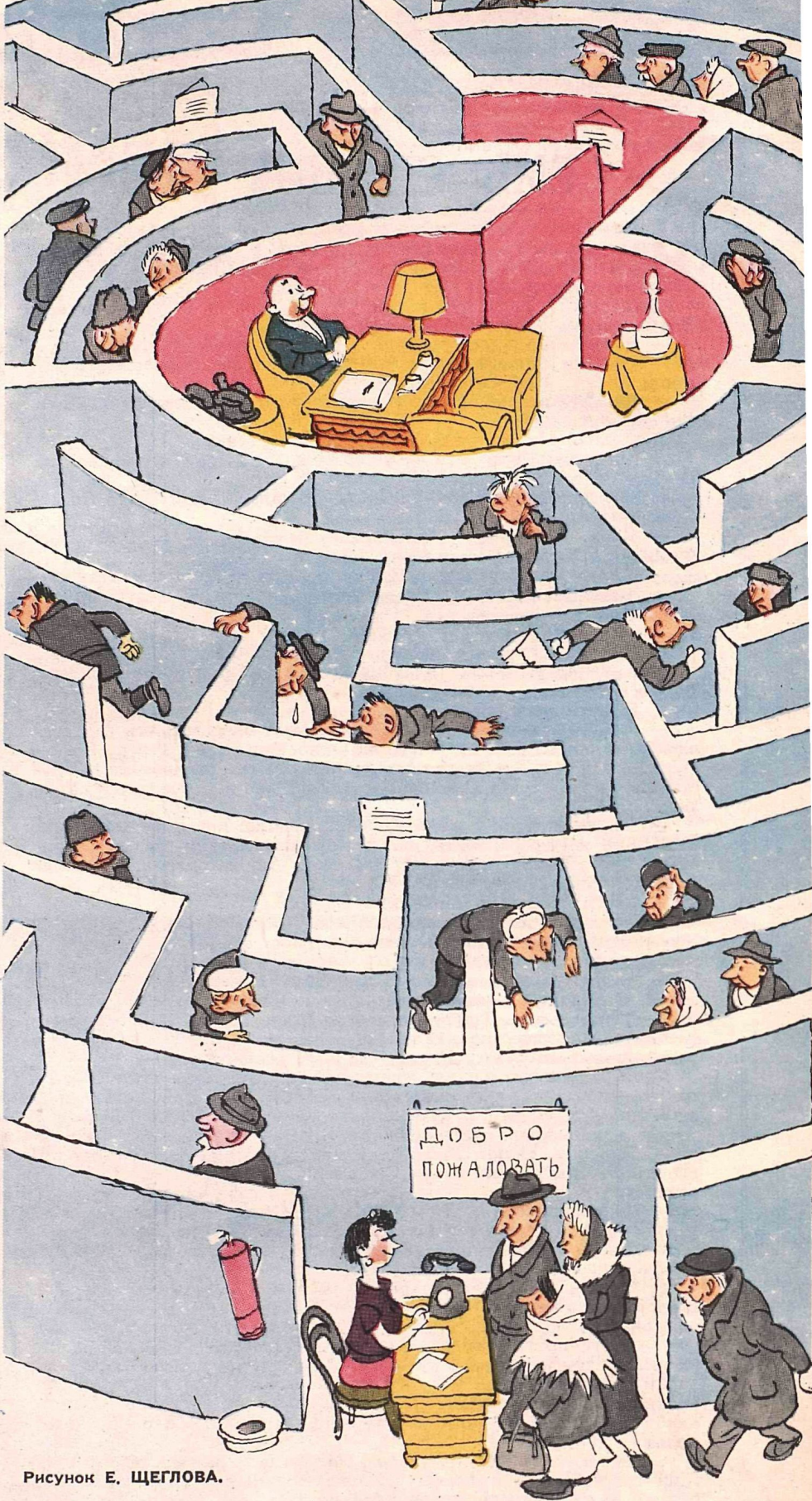

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

МЕЧТА БЮРОКРАТА

— К товарищу Иванову проходите свободно!..

бой уважающий себя шарлатан с улыбкой выбросит в пять, в десять раз больше, только бы оставили его на свободе, дали возможность перебраться в другой город, в другую область!

Не очень беспокоит шарлатанов и наша санитарно-просветительная пропаганда. Где «летучий дождь брошюр»? Интересные лекции? Где показательные процессы над шарлатанами с участием уважаемых врачей и пострадавших пациентов?

Ничего этого нет!

Вот почему и нам в Крокодиле приходится — в который раз! — писать на эту избитую тему. И главное, мы не можем даже обещать читателям, что этот фельетон о шарлатанах — последний.

Последний фельетон на тему о шарлатанстве будет написан в связи с судом над последним шарлатаном. Давайте добиваться, чтобы он был написан как можно скорее!

Леонид ЛЕНЧ

МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ГУСЬ

(СКАЗКА)

Т О ли на Крымском побережье, то ли на Кавказском возвели санаторий. Всем санаториям санаторий. Красоты неопишущей. Прочности несокрушимой. Мраморы, хрустали всякие, камчатные скатерти, люстры преогромные, палаты — прямо палаты. А персонал! Врачи — профессорской силы, медсестры — что твои врачи, санитарки — готовые сестры-хозяйки.

Одна беда: курятина. Мороженная курятина.

На завтрак курятина, на обед курятина, на ужин курятина... Компот, и тот умудрялись в том санатории варить на курином бульоне.

Конечно, приезжали больные, поначалу радовались: дома каждый день курятиной не разживешься.

Проходило время — курятина чуть приедалась. Потом все больше, больше. Дней за пяток до выписки отдыхающие так говорили:

— Ну и что ж, что курятина, можно и потерпеть: скоро домой.

И вот стоят как-то отдельные отдыхающие, беседуют с директором, и вдруг откуда ни возьмись старичок, и под мышкой у него гусь выше средней упитанности. Между прочим, не мороженный.

Старичок говорит:

— Директор, а директор, купи у меня гуся!

Директор говорит:

— Мы с рук не покупаем, мы всё — с базы.

Старичок спрашивает:

— А что, с базы посвежей, что ли?

Директор смеется:

— Экой ты, гражданин старичок, неинформированный! Конечно, нет.

Старичок удивляется:

— Почему ж в таком случае не с рынка?

Директор говорит:

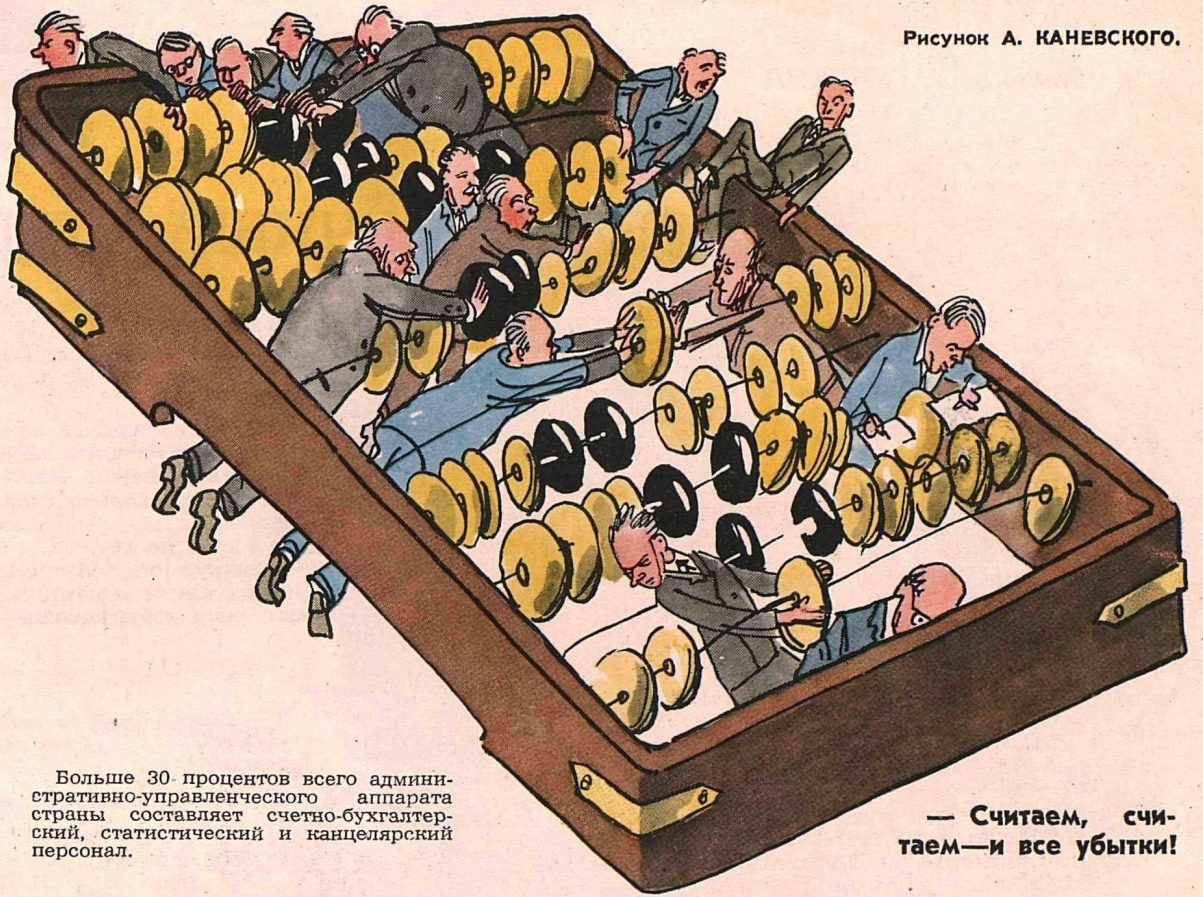
— Ну, ты меня, старичок, просто уморишь! Как же мне можно на рынке покупать? А может, я жулик?

— А ты разве жулик? — спрашивает старичок.

— Да нет, — говорит директор, — вроде не жулик. Но с базы все-таки спокойней. Правда, получаешь продукты хотя и не всегда первой свежести, зато при них документ. Понятно?

Старичок говорит:

— Будет тебе, директор, и от меня документ, поскольку гусь не из индивидуаль-

Больше 30 процентов всего административно-управленческого аппарата страны составляет счетно-бухгалтерский, статистический и канцелярский персонал.

— Считаем, считаем — и все убытки!

ного сектора, а как раз от колхоза. Купи гуся, побалауй отдыхающих свежей гусятинкой. А документ мы тебе справим.

Директор говорит:

— Ты, наверно, не знаешь, какая в нашем санатории масса отдыхающих. Что я с одним гусем сделаю? Было бы их десятка три, тогда другой разговор. А то один гусь.

Старичок говорит:

— Так это же не простой гусь, а гусь-самоклад. Он сам себя режет, сам себя обципывает, сам себя потрошит, сам себя жарит, сам себя на порции режет, сам себя на тарелки раскладывает и гарниром обкладывает, сам себя на стол подает.

Видит директор: действительно, исключительно многообещающий гусь.

— А сколько, — спрашивает, — ты за него положишь?

Старичок называет цену.

— Э-э-э, — говорит директор, — так не выйдет, поскольку объявленная тобою цена на шесть с половиной процентов выше базовой.

— Так ведь гусь-то какой! И он, ко всему прочему, по желанию дирекции моментально оборачивается в рябчика, куропатку или, скажем, тетерку!

— Не-е-ет, — это директор говорит, — я за твоего гуся отвечать не собираюсь. Хочешь по базовой отпускной цене — пожалуйста. А не хочешь — как хочешь!

Плюнул старичок и был таков.

Так по сей день в том санатории и томят отдыхающих мороженной курятиной.

Оно, конечно, и курятина очень даже неплохо. А все-таки гуся как-то жадко.

Л. ЛАГИН

Борис ТИМОФЕЕВ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

ШУТКА

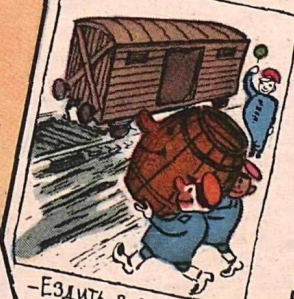
— Пей, Вася, друг любезный мой!..
— Не хватит ли! Пора домой...
— Опять о доме ты шумишь!
Ты кто: мужчина или мышь?
— Эх, в мышь бы превратиться:
Жена мышей боится...

Дорогому Крокодилу!

Товарищ Крокодил!
Как сейчас помню, привезли два года назад на наш завод имени Фрунзе новый, сияющий всеми цветами радуги станок-строгальный станок. Привезли торжественно водрузили в цехе и... забыли о нем. И вот простоял два года всеми покинутый станок, медленно разрушался и лил горькие слезы по поводу печальной судьбы своей.
В. ИЛЬЧЕНКО
Краснодарского края.

Сколько денег ухлопал на станок, а он простоял два года и разва-лился!..

— Ездить в таких условиях — наслаждение!..

Уважаемый Крокодил!
Приятное путешествие совершила недавно со станции Матвеев Курган на с кишечным сырьем. В пути она находилась около месяца, однако чувствовала себя превосходно. Заботливые железнодорожники представили бочке максимум удобства: ей был выделен двадцатитонный вагон, и всего лишь за 4 рубля 85 копеек. А во что обстоит прогон почти пустого вагона государству, железнодородников Матвеева Кургана мало интересуется. Они люди не мелочные.

С. ЕВСЕЕВ
г. Батайск, Ростовской области.

СТИРАЛЬНИ И ПОРОШОК
НОВОСТЬ
МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Товарищ Крокодил!
Работники Казанского жирового комбината имени Вахитова — люди с размахом. Свою деятельность они не ограничивают рамками родного города. Изготавливают, скатывают стиральный порошок «Новость» в Казани, а расфасовывают, управляют его в Кишиневе, в свою очередь, не будучи эгоистами, переправляют расфасованную продукцию для продажи в Брест. Так путешествует стиральный порошок из города в город, прославляя предприятие и торговлю.
В. ХАРЛАМОВ
Пружанский район, Брестской области.

БЕСКОНЕЧНЫЙ СПИСОК

Уж очень было холодно на улице, дул резкий ветер, поэтому мы решили остаться дома.

Алеша сидел на своей кровати и читал биографию Циолковского, Юра писал письмо, а я пошел с большим чайником за кипятком.

Вернувшись, я, никого не беспокоя, поставил на стол наши кружки, положил колбасу и три мягкие булочки. Потом ножик и вилки.

Не подымая головы от письма, Юра спросил:

— Ты вилки вымыл?

— Да, — сказал я.

— Все две?

— Все две, — ответил я. — Давайте чай пить...

Юра встал, переложил письмо на тумбочку. Алеша, захлопнув книжку, сел за стол.

Я рассек колбасу на три огромных кусочка. Каждый из нас взял по такому куску и по булке, и мы приступили к чаепитию. Было какое-то очень слабое, дружелюбное настроение. Так всегда бывает, когда ешь колбасу с большого куска. Не знаю, почему, но это так.

Потом Юра помог мне прибраться, и мы улеглись в постели. Спать не хотелось. Видимо, поэтому Юра предложил:

— Расскажи бы кто-нибудь что-нибудь страшное...

— Да, — сказал Алеша.

Выходило, что рассказывать надо было мне. Я взял с полочки книжку Пушкина.

— Слушайте, черти. «Бесы».

— Кого?

— А. С. Пушкина, темнота!

Раскрыв книжку, я с чувством начал читать:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Антумь чон, обен онтум.

— Погоди, не торопись, — сказал Алеша. — А где рифма?

— Какая рифма? — вмешался Юра.

— Обыкновенная, — ехидно сказал Алеша. — Розы — морозы. Кровь — любовь. Луна — целина. Это ведь Пушкин, а не Евтушенко. Должна быть рифма!

— Валий еще раз, — посоветовал Юра. — Может, она с разбегу выскочит, рифма эта! Я прочел еще раз:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Антумь чон, обен онтум.

— Это, наверное, неопубликованный кусок из поэмы «Цыгане», — глубокомысленно изрек Алеша. — Антумь чон! Ясно. Пушкин для колорита вставил несколько слов на цыганском языке.

Но тут Юра хлопнул себя по лбу.

— Я вспомнил! — крикнул он. — Антумь чон, обен онтум! Это из книги «Спартак». Латынь! Это — начало речи взбунтовавшегося Спартака!

— А против кого он взбунтовался, твой Спартак? — поинтересовался Алеша.

— Против «Динамо!» — Юра завернулся в простыню, как в тогу. — Обен онтум! Латынь! Я утверждаю это как будущий врач. Дикси. Что в переводе означает: «Я закругляюсь».

Им хорошо было шутить, но мне было не по себе.

— Обен онтум, — бормотал я. — Антумь чон! Только что было так хорошо, все было ясно, и вдруг на тебе! Антумь—онтум! Полное затемнение, и под ложечкой что-то тянет...

Но тут случайно я взглянул на последнюю страничку книжки.

— Ура, ребята! — радостно закричал я. — Все ясно! Вот! Здесь вклеен листок! Смот-

рите! Написано: «Список опечаток». Ну, конечно, так и есть! Слушайте: «Третья страница, четвертая строка сверху набрана по ошибке справа налево. Следует читать: «Мутно небо, ночь мутна», а не «Антумь чон, обен онтум», как непочутуни».

— Ах, вот оно что! — обрадовался Алеша, вырывая у меня книжку.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

— Вот как надо читать, — сказал он, заглядывая в примечание, — а не так, как непочутуни.

— Какие еще непочутуни? — грозно спросил Юра.

— Спокойно! Вот дополнительный список опечаток. Оглашаю: «В примечание вкралась опечатка. Вместо слова «непочутуни» слудеет чатить «напечатано».

— А что такое «слудеет чатить»?! — закричал я во все горло.

— Есть еще примечанье! — прорыдал Алеша. — Вот, пожалуйста: «Вместо слов «слудеет чатить» читайте «следует читать». Граждане! Шлите ваши отзывы об этом издании на фабрику книги № 1. Дуракция».

— Кто, кто?! — вскричали мы с Юрой хором.

— Дуракция! — отвечал Алеша. — А что? Вы не знаете, что это значит — «дуракция»? И я не знаю. Может быть, дирекция, а может быть, редакция... Но я устал от этих кроссвордов, — добавил он, ложась. — Мне завтра в утреннюю смену. Юра, будь любезен, сапоги всет.

Юра прошлепал к выключателю и погасил свет.

Потом улегся и вежливо сказал:

— Псокойной чони!

И через две секунды храпел.

ПРИМЕЧАНИЕ.

На мой взгляд, этот рассказ правильно ставит вопрос об огромном количестве опечаток, допускаемых нашими издательствами при выпуске новых книг. Особенно меня возмутило то обстоятельство, что и наш журнал не может избавиться от этого недостатка: последнее слово в рассказе нужно читать не «храпел», а «захрапел». Заверю читателей, что больше подобные факты не повторятся.

ДРОКОКИЛ

Дорогой Крокодил!

Дорогой Крокодил!

Пышно отпраздновал двадцатипятилетие Ленинградский шелкокомбинат. Дирекция воздвигла за восемнадцать тысяч рублей обелиск. Празднование кончилось, а монумент позабыт. Вокруг только пустые ящики и горы хлама. М. ОРЛОВ

г. Ленинабад, Таджикской ССР.

СВЕЖЕЗАМОРОЖЕННАЯ ПТИЦА (НАЧОРМОРТ. Автор Н.П.Большаков)

Дорогой Крокодил!

Николай Павлович Большаков — отнюдь не художник, а между тем он написал картину. Не в пример другим работникам кисти, сюжет этой картины не выдуман, а Будучи председателем колхоза «Новая жизнь», намертво заморозил сто сорок семь кур, что дает основание считать его подлинным автором приморта.

Н. ШЕВЦОВ
Котласский район, Архангельской области.

Уважаемый Крокодил!

Был у нас совсем не плохой сквер, но не было широкоэкранного кино. Теперь у нас будет широкоэкранное кино, но не будет сквера. Местные власти приказали вырубить все деревья в сквере и на освободившейся площади построить кинотеатр. Видимо, они считают, что существование сквера и кинотеатра одновременно — слишком большая роскошь для населения. И. ГАПЕЕВ

Кромь, Орловской области.

— СПАСИБО КИНО! Хоть на экране можно УБИДЕТЬ, КАКОЙ У НАС БЫЛ СКВЕР...

Мстят страницы

ОДНИМ МАХОМ

«Роза приехала в Ташкент с одной мыслью — учиться. Поступить в институт, а потом — школа.

Но все получилось иначе...»
«Московская правда»,
12 декабря 1958 года.

«Известна многосторонняя образованность Валерия Брюсова. Он

свободно владел многими языками, превосходно знал всеобщую историю и литературу, изучал философию, живопись, математику, астрономию, был осведомлен даже в магии, алхимии, астрологии...»

«Литературная газета»,
10 января 1959 года.

УТЕРЯНА ПЛОЩАДЬ (ГАЗЕТНАЯ) БЕЗВОЗВРАТНО

Для того, чтобы у читателя не возникло сомнений, помещаем материалы, публикация которых в газете дает полное право считать площадь потерянной.

«27 августа в электропоезде найдены два зонта, а около станции Гауя — детская шерстяная кофта».

«Продаю оленью голову с большими рогами».

«На улице Лачплеша, у магазина, найден школьный передник».

«В Асари в воскресенье утерян черный купальный костюм».

«Нашедшего коричневую кофту прошу позвонить...»

«Утеряна кожаная перчатка...»

«Утерян зонт. За вознаграждение прошу передать в «Пельменную»...».

«Около ул. Кугю утеряна черная женская лаковая туфля».

«Утерян баян с футляром».

О каких трагедиях человеческих свидетельствуют эти скупые строчки! Представляете, идет человек спокойно, ни о чем не думая. Вдруг у него с ноги сваливается туфля... Не заметив этого, он шествует дальше.

Или идет человек, несет баян. Баян незаметно падает. Человек продолжает двигаться, не подозревая, что играть ему уже не на чем.

Вот на какие «важные» и «нужные» материалы убивается газетная площадь.

Соболезнования просим направлять по адресу: Рига, улица Персес, № 10/12, редакция вечерней газеты «Голос Риги».

Завод детских велосипедов
**ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ
на ДАВИЛЬНЫЕ
работы**

из материала заказчика,
а также из материала завода.
Адрес завода: Москва, Ж-193,
5-я Кожуховская ул., 5;
тел. Ж 5-03-18.

Фабрика клавишных
инструментов «Лира»

ПРОДАЕТ:

БИДОНЫ ЖЕЛЕЗНЫЕ,
БОЧКИ ЖЕЛЕЗНЫЕ,
большие фанерные и тесовые
ЯЩИКИ,
парадные архитектурные дубо-
вые ДВЕРИ.

Там же требуются
ПОДСОВБНЫЕ РАБОЧЕ
Обращаться: Москва, про-
спект Мира, 219; тел. И 1-20-00,
доб. 271

КЕКС С КОНФЛИКТОМ

Даем совет молодым хозяйкам: покупая соблазнительный полуфабрикат «Московский кекс» с маркой Одесского совнархоза, берите не одну, а сразу две штуки. Иначе может получиться конфуз. Уж такой у этого кекса особенный способ приготовления.

На коробке красным по белому написано: «К содержимому... добавить около полстакана воды (80 г.) и 150 г. размягченного сливочного масла...»

А на листке внутри коробки черным по белому напечатано: «К со-

держимому... добавить $\frac{3}{4}$ стакана (130 гр.) воды и 100 гр. размягченного сливочного масла...»

Но ничего, не смущайтесь! Располагая двумя подопытными кексами, вы можете действовать смело и уверенно. Один готовьте по красному рецепту, другой — по черному. Уж из какого-нибудь что-нибудь наверняка получится.

И да поможет ваш скромный опыт разрешению громкого рецептурного конфликта между одесскими кекспроизводителями!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— А я еще паровозы помню!..

ПРОИСШЕСТВИЯ

ПОХОЖДЕНИЯ КОНОВАЛОВА

Вечер. Перрон станции Ростов-на-Дону. К мягкому вагону скорого поезда № 17 Киев — Адлер подходит представительный мужчина в ладно сидящей железнодорожной форме. На просьбу проводницы предъявить билет представительный мужчина оскорбленно фыркнул:

— Разуй глаза, милая! Я первый заместитель начальника Туапсинского отделения Коновалов Сергей Иванович. Ты что, не знаешь меня?

— Нет.

— Ну, так скоро узнаешь.

...Поезд № 17, покачиваясь, мчался к станции Туапсе. Полные тревоги, перешептывались оробевшие проводницы: что-то предпримет завтра разгневанное их бестактностью начальство?

И вдруг в одном из купе послышался грохот свободно падающего тела. Со второй полки на голову соседей свалился пьяный до бесчувствия пассажир. Это был (вы не ошибаетесь!) представительный Сергей Иванович Коновалов.

Так состоялось первое его явление народу. Засим последовало и

второе. Очумев от водки, он, как был, без штанов, в одних трусах и босиком, вышел прогуляться в коридор, смертельно перепугав ехавших в вагоне женщин. Игриво помахав им ручкой, первый зам, на четвереньках дополз до проводниц и принялся проверять их знание инструкции движения поездов. Потом, обрвав себя на полуслове, первый зам, изволил горько и неутешно заплакать.

И долго еще колобродил по вагону Сергей Иванович, пока не продрог до костей, и проводницы не уложили его спать.

Но вот и Туапсе. Проводницы с беспокойством проводили взглядом своего именитого пассажира и облегченно вздохнули. На этот раз начальство было в полном порядке. Даже в штанах.

И все же Сергей Иванович Коновалов поплатился за свое пьяное четверенькохождение. Как нам сообщили, он схватил... сильнейший насморк.

Н. ЛАРИН

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

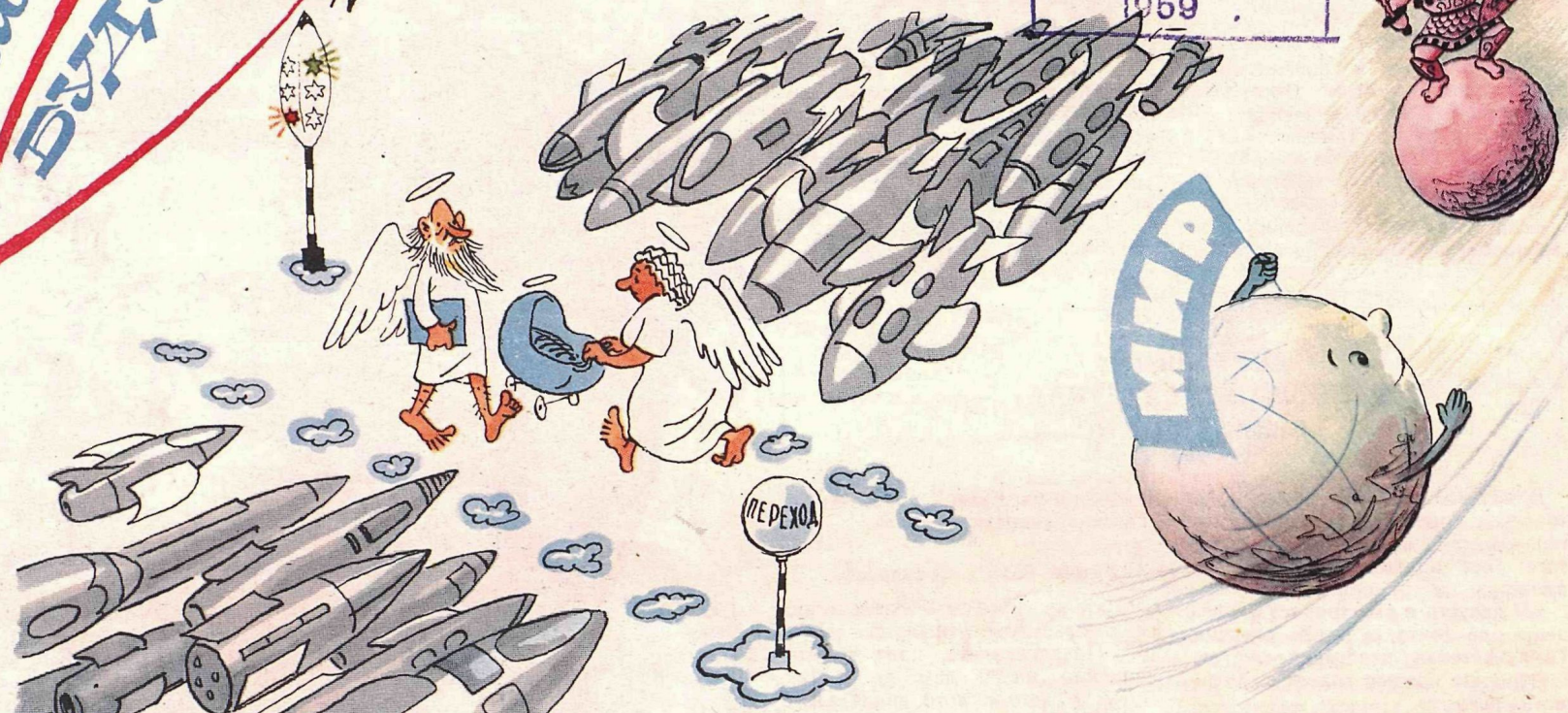
Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00132. Изд. № 243. Подписано к печати 3/II 1959 г. Формат бум. 70×108 $\frac{1}{8}$. Заказ № 197. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Не осень
Затмение
Будущее

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземп.
1959

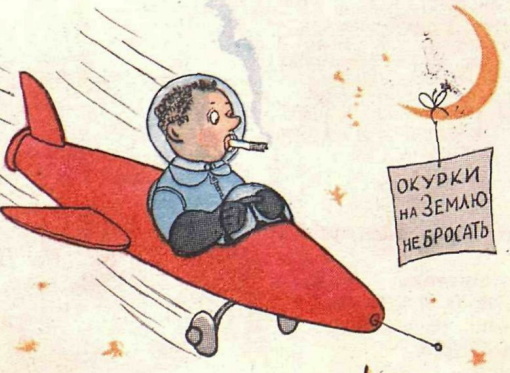
Великое противо-
стояние Марсу.

Проводы внука.

— Какая ракета отправляется на Млеч-
ный Путь?
— Кажется, вон та, товарная.

Рисунки художников Е. ГУРОВА,
В. СОЛОВЬЕВА, М. УШАЦА, И. СЫЧЕ-
ВА, Г. ЛЕРУ (Румыния), Г. ПИРЦХАЛА-
ВА (г. Тбилиси).

— Скажите, это Луна!
— Вы что, с Земли свалились! Это Марс!